

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2014
XXIII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1051
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XIII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2014 № 1051

СОДЕРЖАНИЕ

- 2941-2952 Материалы к изучению авифауны и летнего населения птиц провинции Хэбэй, Китай.
Ю. Н. ГЛУЩЕНКО, В. П. ГЛУЩЕНКО
- 2953-2972 Новое о гнездящихся птицах юго-западного Приморья: неопубликованные материалы прежних лет об орнитофауне Шуфанского (Борисовского) плато. А. А. НАЗАРЕНКО
- 2973-2978 Оценка численности гусеобразных птиц в дельте Оби в разные годы. М. Г. ГОЛОВАТИН,
С. П. ПАСХАЛЬНЫЙ
- 2979-2983 О гнездовании большого поморника *Stercorarius skua* на Вайгаче. В. Н. КАЛЯКИН
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург 199034 Россия

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXIII

Express-issue

2014 № 1051

CONTENTS

- 2941-2952 Materials for the study of avifauna and summer
bird population, Hebei Province, China.
Yu. N. GLUSHCHENKO,
V. P. GLUSHCHENKO
- 2953-2972 New on nesting birds of Southwest Primorye:
Unpublished of former years on the avifauna of
the Shoo-fang plateau. A. A. NAZARENKO
- 2973-2978 Estimated numbers of waterfowl in the delta
of the Ob River in different years.
M. G. GOLOVATIN,
S. P. PASKHALNY
- 2979-2983 About breeding of the great skua
Stercorarius skua on the island Vaygach.
V. N. KALYAKIN
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Материалы к изучению авифауны и летнего населения птиц провинции Хэбэй, Китай

Ю.Н.Глущенко, В.П.Глущенко

Юрий Николаевич Глущенко. Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики, ул. Некрасова, д. 35, Уссурийск, 692500, Россия. E-mail: yu.gluschenko@mail.ru

Вера Петровна Глущенко. Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики, ул. Некрасова, д. 35, Уссурийск, 692500, Россия. E-mail: yu.gluschenko@mail.ru

Поступила в редакцию 30 сентября 2014

Ввиду того, что степень авифаунистической изученности большинства участков территории, сопредельной с юго-восточными окраинами России (Северо-восточный Китай и Северная Корея) низка, а значительная часть имеющихся по этому вопросу сведений изложена на сложных для перевода языках, дополнительные исследования в этом направлении имеют большое значение. Это важно как для понимания современной динамики фауны птиц, особенно активно проявляющейся на этих российских окраинах в последние два десятилетия, так и в целях формирования базиса для определённых прогностических построений на ближайшее будущее.

Прибрежные районы китайской провинции Хэбэй (Hebei) издавна привлекали внимание как китайских орнитологов, так и их зарубежных коллег, однако основное внимание уделялось миграциям птиц (La Touche 1920, 1921; Bakewell *et al.* 1989; Williams, Dorner 1991; Williams *et al.* 1992), в то время как летняя авифауна и население птиц Хэбэя оставались практически вне их интересов. В период с 29 июля по 8 августа 2013 нами были проведены учётные работы по изучению фауны и населения птиц, охватившие четыре участка этой провинции, расположенные в окрестностях и (или) на территории городов Циньхуандао (Qinhuangdao), Бэйдайхэ (Beidaihe; согласно административному делению, Бэйдайхэ является районом городского подчинения городского округа Циньхуандао) и Найдайхэ (Naidaihe). Обследованная территория находится в 900 км к юго-западу от ближайших границ Приморского края. Следует отметить, что рекогносцировочное обследование первых двух упомянутых выше участков было совершено нами период с 16 по 21 августа 2010.

В 2013 году основная часть материала была собрана в Бэйдайхэ. Это один из уникальных городов Китая, по существу представляющий собой гигантский курортно-оздоровительный центр этой страны, расположенный на побережье Бохайского залива в 280 км к востоку от Пекина. Площади спальных и производственных районов в этом городе

минимизированы, в то время как его прибрежная периферия представлена почти сплошной сетью многочисленных санаториев и баз отдыха. Степень озеленения этой территории многократно выше таковой в типичных городах Китая, где древесно-кустарниковые насаждения либо достаточно редки, либо практически отсутствуют на обширных застроенных участках. Центральная городская застройка Бэйдайхэ также весьма специфична и в своей основе представляет сочетание гостиничных и торговых комплексов различного типа и также имеет гораздо более высокую степень древесно-кустарникового озеленения по сравнению с большинством других городов Китая.

Ещё одним местом регулярного обследования явилась приустьевая часть реки Хэнгхэ (Henghe), расположенная между городами Бэйдайхэ и Циньхуандао. Она представляет собой обширный песчано-илистый пляж длиной около 2 км, который обнажается во время регулярных суточных отливов (ночью и ранним утром) на 1-1.5 км от уреза воды, по сравнению с положением, характерным для максимальных приливов. Во время этих приливов отмель почти целиком затапливается, оставляя лишь узкие прибрежные полосы песчано-илистой поверхности, на определённых участках лишённой травянистой растительности. Доступ людей на этот пляж строго ограничен, что позволяет околотовным и водоплавающим птицам безбоязненно задерживаться на его отмелях, оказывающихся весьма привлекательными для различных видов цапель, чаек и куликов.

Помимо этого, 31 июля 2013 обследованы окраины сельскохозяйственных угодий, расположенных в пригороде Найдайхэ. В период наших работ они представляли собой поля кукурузы и других суходольных сельскохозяйственных культур, перемежаемыми относительно широкими лентами искусственных древесных посадок (главным образом тополей), группами домов сельского типа с прилежащими подворьями и незначительными по площади пустырями. Здесь же располагалось небольшое пастбище для выпаса стада коров, а также имелись мелководные старицы, берега и часть русел которых густо заросли крупнотравной околотовной и водной растительностью, и проходили небольшие заросшие каналы, отчасти заполненные грязной и слабо проточной водой. Наконец, 2 августа совершена экскурсия в горный район, лежащий к северу от Циньхуандао (ближайшее к городу место прохождения участка Великой китайской стены, отреставрированного для туристов) с посещением крупного горного водохранилища и «Парка птиц». В последнем рядом с различными птицами, содержащимися в неволе под огромным сетчатым куполом, сформировалась естественная гнездовая колония цапель.

Сбор данных, необходимых для выявления плотности населения птиц, осуществлялся во время проведения ежедневных пеших марш-

рутных учётов, суммарная протяжённость которых составила 46.3 км, в том числе 6.6 км в центральной застройке города Бэйдайхэ, 33.4 км в зоне его периферической застройки и 6.3 км в сельскохозяйственной зоне окрестностей Найдайхэ. При этом применялась методика комплексных маршрутных учётов без ограничения учётной полосы с оценкой радиальных расстояний обнаружения (Равкин, Челинцев 1990). Во время их проведения в расчёт не принимались явно транзитные для данной территории виды (в частности, пролётные чайки и кулики, пересекающие зону городской застройки).

На обширных песчаных отмелях, расположенных в устье Хэнгхэ, проводились комплексные маршрутно-точечные наблюдения, суммарная продолжительность которых составила 18.8 ч, в том числе 11.3 ч утром во время отлива (7 учётов продолжительностью от 1.3 до 2 ч начиная с рассвета) и 7.5 ч во второй половине дня (3 учёта продолжительностью от 1.3 до 3.4 ч). Во время проведения этих наблюдений подсчитывалось число особей всех видов птиц, находящихся на данной территории в пределах видимости, либо транзитно пролетающих над ней. При этом следует отметить, что погодные условия здесь в течение значительной части времени наблюдений не способствовали учётным работам, поскольку часто держалась влажная дымка при видимости 200-500 м, что значительно сокращало ширину учётной полосы.

Систематика большинства птиц дана по схеме, принятой в России (Коблик и др. 2006), а виды, отсутствующие в нашей стране, приведены по одной из версий, принятых в Китае (Handbook... 1997) с некоторыми изменениями, связанными с собственными таксономическими взглядами авторов публикации.

Всего за период наших работ в июле-августе 2013 года в провинции Хэбэй учтено более 15 тыс. птиц, принадлежащих к 97 видам, 61 роду, 33 семействам и 15 отрядам (табл. 1).

Таблица 1. Результаты учётов птиц в провинции Хэбэй в период с 29 июля по 8 августа 2013

№	Вид	Количество особей											Всего
		Июль			Август								
		29	30	31	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	<i>Tachybaptus ruficollis</i>	-	-	1	3	-	1	-	1	1	16	2	25
2	<i>Phalacrocorax carbo</i>	-	-	-	1	5	-	-	-	-	-	-	6
3	<i>Ixobrychus sinensis</i>	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	3
4	<i>Nycticorax nycticorax</i>	-	-	2	-	27	22	9	11	9	10	2	92
5	<i>Ardeola bacchus</i>	1	-	12	8	35	2	4	6	17	9	1	95
6	<i>Bubulcus ibis</i>	-	-	29	-	-	-	-	-	-	-	-	29
7	<i>Casmerodius modestus</i>	-	-	5	35	58	36	36	49	125	175	16	535
8	<i>Egretta intermedia</i>	-	-	-	1	-	1	-	-	1	-	-	3
9	<i>Egretta garzetta</i>	-	-	12	114	93	111	153	210	341	279	225	1538
10	<i>Ardea cinerea</i>	-	-	3	-	-	-	1	4	12	5	2	27

Продолжение таблицы 1

№	Вид	Количество особей											Всего
		Июль			Август								
		29	30	31	1	2	3	4	5	6	7	8	
11	<i>Anas platyrhynchos</i>	-	2	14	-	13	24	16	28	23	36	13	169
12	<i>Anas poecilorhyncha</i>	-	-	-	22	-	-	-	-	3	-	-	25
13	<i>Falco subbuteo</i>	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	2
14	<i>Falco amurensis</i>	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	2
15	<i>Phasianus colchicus</i>	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
16	<i>Gallinula chloropus</i>	-	-	21	-	-	-	-	-	-	-	-	21
17	<i>Pluvialis squatarola</i>	-	-	-	2	10	-	2	11	8	26	23	82
18	<i>Pluvialis fulva</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	1	6
19	<i>Charadrius dubius</i>	-	-	-	1	-	2	5	127	4	23	6	168
20	<i>Charadrius placidus</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2
21	<i>Charadrius leschenaulti</i>	-	-	-	1	-	-	2	-	2	3	1	9
22	<i>Charadrius mongolus</i>	-	-	-	3	1	-	-	-	2	2	-	8
23	<i>Charadrius alexandrinus</i>	-	-	-	1	-	-	-	-	6	17	-	24
24	<i>Arenaria interpres</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	1	4
25	<i>Himantopus himantopus</i>	-	-	-	1	-	-	1	39	77	17	14	149
26	<i>Recurvirostra avosetta</i>	-	-	-	-	-	-	-	17	48	-	-	65
27	<i>Tringa ochropus</i>	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	2
28	<i>Tringa glareola</i>	-	-	-	-	2	3	26	20	8	3	16	78
29	<i>Tringa nebularia</i>	-	-	-	87	37	88	36	37	95	111	78	569
30	<i>Tringa totanus</i>	-	-	-	4	-	4	-	1	1	1	-	11
31	<i>Tringa erythropus</i>	-	-	-	-	-	-	2	-	1	3	9	15
32	<i>Tringa stagnatilis</i>	-	-	-	-	-	2	23	23	18	7	30	103
33	<i>Heteroscelus brevipes</i>	-	-	-	5	2	3	5	8	17	56	44	140
34	<i>Actitis hypoleucos</i>	-	-	-	1	3	2	7	14	12	14	23	76
35	<i>Xenus cinereus</i>	-	-	-	1	3	-	1	3	33	7	20	68
36	<i>Calidris ruficollis</i>	-	-	-	-	-	-	37	118	9	69	82	315
37	<i>Calidris subminuta</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	6	3	-	9
38	<i>Calidris temminckii</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	7	8
39	<i>Calidris ferruginea</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	6
40	<i>Calidris alpina</i>	-	-	-	-	-	-	18	8	-	1	20	47
41	<i>Calidris acuminata</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	14	17
42	<i>Calidris tenuirostris</i>	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	9	11
43	<i>Calidris alba</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3	6
44	<i>Limicola falcinellus</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
45	<i>Gallinago gallinago</i>	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	3
46	<i>Gallinago megala</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
47	<i>Gallinago stenura</i>	-	-	-	-	-	-	2	4	2	-	-	8
48	<i>Numenius arquata</i>	-	-	-	3	1	-	-	-	2	6	-	12
49	<i>N. madagascariensis</i>	-	-	-	-	-	-	-	4	-	7	-	11
50	<i>Numenius phaeopus</i>	-	-	3	32	10	5	10	16	31	56	27	190
51	<i>Limosa limosa</i>	-	-	-	18	-	-	-	-	-	-	-	18
52	<i>Limosa lapponica</i>	-	-	-	11	-	1	-	5	19	29	14	79
53	<i>Larus relictus</i>	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	3
54	<i>Larus ridibundus</i>	35	68	31	61	135	63	47	81	1012	1315	1146	3994
55	<i>Larus cachinnans</i>	-	-	-	-	1	1	-	-	3	3	-	8
56	<i>Larus schistisagus</i>	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
57	<i>Larus crassirostris</i>	3	1	-	21	103	5	3	32	74	178	66	486
58	<i>Larus saundersi</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	3
59	<i>Chlidonias leucopterus</i>	1	-	-	-	-	4	-	5	49	82	40	181
60	<i>Chlidonias hybridus</i>	-	-	-	-	-	-	-	7	26	5	4	42
61	<i>Gelochelidon nilotica</i>	-	-	-	2	5	7	3	8	27	9	4	65
62	<i>Sterna hirundo</i>	7	-	-	21	30	5	2	3	224	409	110	811

Окончание таблицы 1

№	Вид	Количество особей											Всего
		Июль			Август								
		29	30	31	1	2	3	4	5	6	7	8	
63	<i>Columba livia</i>	-	58	192	27	206	89	239	362	268	98	229	1768
64	<i>Streptopelia decaocto</i>	-	-	2	-	-	-	-	1	-	3	-	6
65	<i>Streptopelia orientalis</i>	-	-	18	4	-	1	-	-	1	-	-	24
66	<i>Streptopelia chinensis</i>	-	7	18	2	4	1	2	1	2	5	-	42
67	<i>Cuculus canorus</i>	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	5
68	<i>Otus sunia</i>	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
69	<i>Apus pacificus</i>	1	1	-	-	-	-	-	-	2	-	2	6
70	<i>Apus affinis</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
71	<i>Upupa epops</i>	-	-	6	-	-	-	-	-	-	1	-	7
72	<i>Picus canus</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	3
73	<i>Dendrocopos leucotos</i>	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
74	<i>Riparia riparia</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	3
75	<i>Hirundo rustica</i>	-	28	91	79	70	30	31	27	65	139	48	608
76	<i>Cecropis daurica</i>	-	6	21	37	18	18	5	12	3	1	7	128
77	<i>Motacilla cinerea</i>	-	-	-	-	-	1	-	-	2	-	-	3
78	<i>Motacilla alba</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	2
79	<i>Lanius cristatus</i>	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
80	<i>Oriolus chinensis</i>	-	2	23	4	2	-	-	-	-	-	1	32
81	<i>Sturnus cineraceus</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	4
82	<i>Urocissa erythrorhyncha</i>	3	14	15	36	-	-	-	3	-	8	4	83
83	<i>Pica pica</i>	1	30	97	57	15	17	30	38	31	58	95	469
84	<i>Corvus macrorhynchos</i>	-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	5
85	<i>Pycnonotus sinensis</i>	1	19	23	21	7	12	6	18	13	12	8	140
86	<i>Garrulax perspicillatus</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	5
87	<i>Rhopophilus pekinensis</i>	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2
88	<i>Cisticola juncidis</i>	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2
89	<i>Phragmaticola aedon</i>	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
90	<i>Dicrurus macrocercus</i>	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	6
91	<i>Muscicapa dauurica</i>	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	2
92	<i>Paradoxornis webbianus</i>	-	-	3	-	4	-	-	-	3	-	-	10
93	<i>Parus palustris</i>	-	-	4	-	-	-	-	2	-	-	-	6
94	<i>P. minor</i>	-	11	12	22	2	4	2	-	-	1	-	54
95	<i>Passer montanus</i>	6	220	582	243	85	91	98	63	118	166	119	1791
96	<i>Chloris sinica</i>	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	2
97	<i>Emberiza cioides</i>	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	4
	ВСЕГО:	59	468	1263	995	1001	657	867	1429	2872	3509	2595	15715

Из приведённого в таблице 1 списка видов птиц в русском Приморском крае не регистрировалось только 5: китайская горлица *Streptopelia chinensis*, малый стриж *Apus affinis*, красноклювая лазоревая сойка *Urocissa erythrorhyncha*, маскированная тимелия *Garrulax perspicillatus* и пекинская славка *Rhopophilus pekinensis*. Наиболее интересной находкой оказалась маскированная тимелия, локально обнаруженная нами в периферической застройке города Бэйдайхэ. Ближайшими известными местами её обитания приводятся устье Янцзы и район южного изгиба долины среднего течения Хуанхэ, а местом случайной встречи это вида указан Шандуньский полуостров (MacKinnon,

Phillips 2000), при этом данный вид был акклиматизирован в некоторых районах Японии (Check-list... 2012). Судя по нашим наблюдениям, маскированная тимелия регулярно гнездится на указанной территории, поскольку на одном и том же участке группу этих птиц, состоящую, вероятно, из 4-6 особей, мы отмечали как в 2013, так и в 2010 году. Сколько-нибудь точно оценить численность данной группы нам не представилось возможным, поскольку она придерживалась густых древесно-кустарниковых зарослей на территории, закрытой для свободного посещения туристов. Однако при этом мы с очень близкого расстояния наблюдали как взрослых, так и молодых особей, хорошо отличающихся отсутствием выраженной чёрной лицевой маски и характерной структурой покровного оперения.

Одиночный малый стриж встречен лишь однажды (6 августа 2013) и статус этого вида остался неясным. Пекинская славка оказалась вполне обычным видом посещённого нами горного массива и была отмечена здесь как в 2013, так и в 2010 году. Несмотря на поздние для гнездования сроки, она регулярно выдавала своё присутствие хорошо выраженной песенной активностью, населяя высокоградиентные горные участки, покрытые древесно-кустарниковыми зарослями, перемежаемыми фрагментами разреженной травянистой растительности, выходами каменных глыб и скальных обнажений. Наконец, красноклювая лазоревая сорока оказалась весьма обычной на гнездовании как на периферии Бэйдайхэ, так и среди обширных прибрежных лесонасаждений между городами Бэйдайхэ и Циньхуандао. При этом обычно встречались нераспавшиеся выводки, некоторые молодые были ещё слётками, в то время как другие уже линяли в следующий наряд. Судя по всему, этот вид здесь ведёт оседлый образ жизни, совершая недалёкие кочёвки. В ближайшем будущем маловероятно ожидать встречи *Urocissa erythrorhyncha* в Приморском крае.

Такие залётные для Приморья виды, как белокрылая цапля *Ardeola bacchus*, кольчатая горлица *Streptopelia decaocto*, китайский бюльбюль *Pycnonotus sinensis*, золотистая цистикола *Cisticola juncidis* и чёрный дронго *Dicrurus macrocercus*, на исследуемых участках провинции Хэбэй в норме гнездятся, а толстоклювый зуёк *Charadrius leschenaulti*, шилоклювка *Recurvirostra avosetta*, чайконосная крачка *Gelochelidon nilotica*, реликтовая *Larus relictus* и китайская *L. saundersi* чайки, хотя и не размножаются на обследованной территории, но, судя по всему, пребывают здесь более или менее регулярно.

Белокрылая цапля была обнаружена 2 августа 2013 гнездящейся в смешанной колонии с другими видами семейства цаплевых – южной *Casmerodius modestus* и малой *Egretta garzetta* белыми цаплями и кваквой *Nycticorax nycticorax*. Судя по рекогносцировочным подсчётам, в этой колонии было по 15-30 гнездящихся пар каждого из четырёх

названных видов цапель, гнёзда которых размещались на высоких кипарисах, при этом часть из них содержала птенцов различного возраста. Как сказано выше, колония непосредственно примыкала к своеобразному зоопарку – «Парку птиц», где содержатся разные виды птиц (в том числе и птиц водно-болотного комплекса), живущие под огромным шатровым навесом из сетей. Кроме того, нами обнаружена небольшая колония большого баклана *Phalacrocorax carbo* из 15 гнёзд, размещённых на небольших деревцах, растущих среди скал, со всех сторон окружающих крупное горное водохранилище. Надо отметить, что в условиях Приморского края, по нашим наблюдениям, большой баклан гнездится на деревьях лишь в континентальных районах, например на озере Ханка, в то время как на островах залива Петра Великого устраивает гнёзда на земле или на скалах.

Китайский бюльбюль в 2013 году оказался весьма обычным, хотя и достаточно локально гнездящимся видом. С наибольшей плотностью он гнезился среди периферической застройки города Бэйдайхэ, где (преимущественно в утренние часы) регулярно приходилось слышать песни самцов, видеть перелетающих и кормящихся особей, пары, небольшие группы и выводки молодых (от очень короткохвостых слётков до самостоятельных особей). В заметно меньшем числе этих птиц нам удавалось регистрировать среди разного рода лесопосадок, сформированных между городами Бэйдайхэ и Циньхуандао, а изредка – среди центральной застройки первого из них. Следует отметить, что в тех же районах Бэйдайхэ в 2010 году китайский бюльбюль был редким видом. Не исключено, что на северо-востоке Китая этот вид в настоящее время увеличивает численность и расселяется, чем и вызвано его периодическое появление на Корейском полуострове (Brazil 2009) и в Приморском крае (Глущенко 2013). Но при этом в сельскохозяйственном районе окрестностей Найдайхэ, а также в горных и предгорных местообитаниях, лежащих к северу от Циньхуандао, этот бюльбюль нами не встречен при краткосрочном обследовании. Следует отметить, что для прошлого столетия он был здесь известен как очень редкий вид, исключая осень 1989 года (Williams *et al.* 1992).

Кольчатая горлица во всех типах обследованных местообитаний была очень редка, значительно уступая в численности китайской горлице, а в сельскохозяйственном районе (окрестности Найдайхэ) – большой горлице *Streptopelia orientalis*. Судя по наблюдению из окна поезда, между городами Шеньян и Чаньчунь, кольчатая горлица была ещё сравнительно обычной. При дальнейшем следовании поезда от Чаньчуна к Муданцзяну она вовсе не была отмечена, хотя ещё ближе к границе с Приморским краем один экземпляр мы наблюдали на окраине города Суйфэнхэ 14 августа 2009 (Глущенко и др. 2013).

Золотистую цистиколу мы встретили в сельскохозяйственном рай-

оне пригорода Найдайхэ 31 июля 2013. Два территориальных и очень активно поющих самца держались на запустыренных участках, покрытых сорной растительностью и лежащих между возделываемыми землями. Периодически они высоко и сравнительно надолго взлетали с весьма характерной для этого вида песней. В Приморском крае подобные местообитания плотно заселены чернобровой камышевкой *Acrocephalus bistrigiceps*, которую, несмотря на специальные поиски, нам в пригороде Найдайхэ обнаружить не удалось, хотя провинция Хэбэй, судя по опубликованным картам (MacKinnon, Phillips 2000; Brazil 2009), целиком входит в её гнездовую часть ареала. Отсутствовали здесь и такие виды, обычные в сходной стадии в Приморском крае, как седоголовая *Ocyris spodocephalus* и ошейниковая *Emberiza fucata* овсянки, черноголовый чекан *Saxicola torquata* и урагус *Uragus sibiricus*, поэтому данное местообитание выглядело явно недонаселённым воробьиными птицами.

Группа, состоящая из 6 особей чёрного дронго (судя по окраске птиц – ещё не распавшийся выводок), в тот же день держалась на краю тополёвых лесопосадок. Птицы периодически взлетали для ловли сидящих, либо пролетающих насекомых, и вновь садились на опущенные части крон.

По материалам проведённых маршрутных учётов, наибольшее видовое разнообразие, как и максимальное суммарное обилие птиц, было выявлено в сельскохозяйственной зоне окрестностей Найдайхэ, а минимальные значения обоих этих показателей были присущи центральной застройке города Бэйдайхэ (табл. 2).

Таблица 2. Плотность населения птиц на различных участках провинции Хэбэй (по материалам маршрутных учётов 30 июля – 8 августа 2013)

Вид	Обилие, особей/км ²			
	Центральная застройка Бэйдайхэ	Периферическая застройка Бэйдайхэ	Сельскохозяйственная зона пригородов Найдайхэ	В среднем по территории
<i>Passer montanus</i>	266.9 (74.9%)	784.2 (67.5%)	894.7 (69.5%)	648.6 (69.64%)
<i>Pica pica</i>	15.6 (4.4%)	134.7 (11.6%)	125.2 (9.7%)	91.8 (9.86%)
<i>Hirundo rustica</i>	43.7 (12.3%)	58.3 (5.0%)	54.0 (4.2%)	52.0 (5.58%)
<i>Columba livia</i>	13.7 (3.9%)	48.2 (4.2%)	13.0 (1.0%)	25.0 (2.68%)
<i>Streptopelia orientalis</i>	-	2.1 (0.2%)	49.3 (3.8%)	17.1 (1.84%)
<i>Pycnonotus sinensis</i>	2.6 (0.7%)	42.6 (3.7%)	-	15.1 (1.62%)
<i>Cecropis daurica</i>	13.3 (3.7%)	16.5 (1.4%)	-	9.9 (1.06%)
<i>Parus minor</i>	-	21.9 (1.9%)	7.9 (0.6%)	9.9 (1.06%)
<i>Oriolus chinensis</i>	-	2.2 (0.2%)	26.5 (2.1%)	9.6 (1.03%)
<i>Bubulcus ibis</i>	-	-	27.2 (2.1%)	9.1 (0.98%)
<i>Urocissa erythrorhyncha</i>	-	25.6 (2.2%)	-	8.5 (0.91%)
<i>Streptopelia chinensis</i>	-	14.6 (1.3%)	1.1 (0.1%)	5.2 (0.56%)
<i>Upupa epops</i>	-	0.4 (<0.1%)	11.7(0.9%)	4.0 (0.43%)
<i>Parus palustris</i>	-	-	10.6 (0.8%)	3.5 (0.38%)
<i>Anas poecilorhyncha</i>	-	-	9.5 (0.7%)	3.2 (0.34%)

Окончание таблицы 2

Вид	Обилие, особей/км ²			
	Центральная застройка Бэйдайхэ	Периферическая застройка Бэйдайхэ	Сельскохозяйственная зона пригородов Найдайхэ	В среднем по территории
<i>Dicrurus macrocercus</i>	-	-	9.5 (0.7%)	3.2 (0.34%)
<i>Gallinula chloropus</i>	-	-	9.4 (0.7%)	3.1 (0.33%)
<i>Paradoxornis webbianus</i>	-	-	6.0 (0.5%)	2.0 (0.21%)
<i>Cuculus canorus</i>	-	-	5.7 (0.4%)	1.9 (0.20%)
<i>Cisticola juncidis</i>	-	-	5.0 (0.4%)	1.7 (0.18%)
<i>Garrulax perspicillatus</i>	-	4.4 (0.4%)	-	1.5 (0.16%)
<i>Phasianus colchicus</i>	-	-	2.7 (0.2%)	0.9 (0.10%)
<i>Streptopelia decaocto</i>	-	0.4 (<0.1%)	1.9 (0.2%)	0.8 (0.09%)
<i>Muscicapa dauurica</i>	-	1.4 (0.1%)	-	0.5 (0.05%)
<i>Lanius cristatus</i>	-	-	1.6 (0.1%)	0.5 (0.05%)
<i>Tachybaptus ruficollis</i>	-	-	1.6 (0.1%)	0.5 (0.05%)
<i>Ardeola bacchus</i>	-	-	0.8 (0.1%)	0.3 (0.03%)
<i>Falco amurensis</i>	-	-	0.8 (0.1%)	0.3 (0.03%)
<i>Apus pacificus</i>	-	0.8 (0.1%)	-	0.3 (0.03%)
<i>Chloris sinica</i>	-	1.0 (0.1%)	-	0.3 (0.03%)
<i>Picus canus</i>	-	1.0 (0.1%)	-	0.3 (0.03%)
<i>Ixobrychus sinensis</i>	-	-	0.6 (0.1%)	0.2 (0.02%)
<i>Falco subbuteo</i>	-	0.3 (<0.1%)	-	0.1 (0.01%)
<i>Motacilla cinerea</i>	-	0.4 (<0.1%)	-	0.1 (0.01%)
<i>Motacilla alba</i>	-	0.3 (<0.1%)	-	0.1 (0.01%)
<i>Egretta garzetta</i>	-	-	0.2 (<0.1%)	0.1 (0.01%)
<i>Nycticorax nycticorax</i>	-	-	0.2 (<0.1%)	0.1 (0.01%)
Общая численность	355.8	1161.3 (100%)	1286.7 (100%)	931.3 (100%)
Количество видов	6	21	26	17.7

Таким образом, в центральной застройке города Бэйдайхэ во время проведения маршрутных учётов отмечено лишь 6 видов птиц, при этом все они оказались фоновыми (плотность населения составляет не ниже 1 особи на 1 км²), а в числе доминирующих видов (численность составляет не менее 10% от общего числа зарегистрированных особей) были полевой воробей *Passer montanus* и деревенская ласточка *Hirundo rustica*. В сумме они составили 87.2% от общего числа особей, учтённых в данном типе местообитаний. В периферийной застройке этого города зарегистрирован 21 вид (в том числе 15 фоновых), а доминирующими оказались полевой воробей и сорока *Pica pica*, в сумме составившие 79.1%, в то время как деревенская ласточка здесь была на третьей позиции по численности – 5.0%.

В сельскохозяйственной зоне окрестностей Найдайхэ отмечено 26 видов птиц (в их числе 21 фоновый) и при этом абсолютно доминировал полевой воробей, составивший 69.5%. При этом содоминантные виды рассмотренных выше типов местообитаний: деревенская ласточка и сорока, – составили соответственно 9.7 и 4.2%.

При сравнении данных по плотности населения птиц, полученных нами в провинции Хэбэй в 2013 году, со сходными данными, собран-

ными в августе в центральной и периферической застройках города Уссурийска и в окружающих его речных долинах (усреднённые данные за 2002-2004 годы; по: Глущенко и др. 2006), оказалось, что в центральной застройке Уссурийска плотность птиц была значительно выше (2934 ос./км²), в его периферической застройке также выше, но не настолько (1844.6 ос./км²), а в речных долинах она оказалась значительно ниже, чем в сельскохозяйственном районе исследованного нами участка китайской провинции Хэбэй (646.8 ос./км²). Если по плотности населения, усреднённой по всем трём типам местообитаний, в лидирующие виды (первые пять) в порядке убывания в провинции Хэбэй попали полевой воробей, сорока, деревенская ласточка, сизый голубь *Columba livia* и большая горлица, то в Уссурийске ими соответственно явились полевой воробей, сизый голубь, сорока, болотная гаичка *Parus palustris* и чернобровая камышевка. Несмотря на высокое сходство лидирующих видов, сходство фоновых видов, рассчитанное по формуле Чекановского-Сьеренсена, на этих двух территориях оказалось невысоким: для центральной городской застройки – 57.1%, для периферической застройки – 42.9%, а для окружающих равнинных типов местообитаний (сельскохозяйственная зона окрестностей Найдайхэ и речные долины окрестностей Уссурийска) – лишь около 25%.

Одним из наиболее привлекательных в орнитологическом плане мест района наших исследований явилась обширная песчаная отмель, расположенная в приустьевой части реки Хэнгхэ и обнажающаяся во время отлива. В период миграций, которые у куликов и чаек начинаются здесь уже со второй половины июля, и летних стоянок холостых и неполовозрелых особей здесь скапливается значительное число цапель, чаек и куликов. Всего в данном типе местообитаний нами отмечено 6 видов цапель, наиболее многочисленной из которых была малая белая цапля, составившая 69.4% от общего числа учтённых птиц этого семейства, а за один учёт максимально регистрировали около 170 особей.

Следует отметить, что *E. garzetta* присущ диморфизм в окраске, но при этом в Приморском крае за весь период исследований особей тёмной морфы нам видеть не приходилось, равно как и информация об их встречах отсюда (как и с территории России в целом) не поступала. В устье Хэнгхэ экземпляр пепельно-серого цвета держался в одном и том же месте в течение всего времени наших работ в 2013 году. Эта птица имела некоторую асимметрию в окраске оперения, в частности, одно из удлинённых перьев затылка имело нормальную (белую), а другое – пепельно-серую окраску. Белая окраска у этой особи также сохранялась на горле и передней части шеи. Все маховые и рулевые перья имели белые основания, различные по относительным размерам, но составляющие не более трети пера, а стык белого и тёмного полей на каждом из них был в виде угла, направленного вершиной к основанию пера.

Создавалось впечатление, что отрастающее перо начинало формироваться окрашенным, а начиная с появления определённой следующей пары бородок первого порядка оно было белым. При этом издали сидящая птица казалась пепельно-серой, а в полёте был явно замечен «химерный» рисунок её крыльев и хвоста. Помимо этого, окраска радужины глаз у данного экземпляра была более тёмной, чем в типичном случае у малой белой цапли во внегнездовой период.

Второе место по численности занимала южная белая цапля, составившая 23.4% (максимальное число особей за 1 учёт достигало 108). За ней в порядке убывания следовали кваква (3.2%), которую отмечали почти исключительно в предрассветные часы и на рассвете, белокрылая цапля (2.7%), серая цапля *Ardea cinerea* (1.2%) и средняя белая цапля *Egretta intermedia* (0.1%). Факт значительной редкости последнего из указанных видов и его отсутствие в описанной нами ранее гнездовой колонии цапель вызывает определённый интерес, поскольку значительно дальше от центра ареала этого вида – в Приморском крае – эта цапля в настоящее время в небольшом числе периодически гнездится (Глущенко и др. 2011) и при этом не представляет большой редкости во время летних кочёвок.

Из 36 видов куликов лидирующими по численности оказались большой улит *Tringa nebularia* (24.5%), песочник-красношейка *Calidris ruficollis* (13.6%), средний кроншнеп *Numenius phaeopus* (8.2%), малый зуёк *Charadrius dubius* (7.2%) и ходулочник *Himantopus himantopus* (6.4%). В число обычных видов попала и шилоклювка (2.8%), наиболее крупная стая которой включала 48 экз. (6 августа 2013). Большой *Numenius arquata* и дальневосточный *N. madagascariensis* кроншнепы в 2013 году были очень малочисленными и встречались единично, в то время как в 2010 году здесь был обычным и значительно преобладал в численности первый из указанных видов, причём наблюдали одну стаю, состоящую из нескольких десятков особей. Один из этих куликов, встреченный здесь 7 августа 2013, был отнесён к дальневосточному кроншнепу лишь условно, поскольку он имел очень светлую окраску оперения, особенно на подбое крыльев и на пояснице, что может свидетельствовать о его вероятном гибридном происхождении.

Из 10 видов чайковых (6 видов чаек и 4 вида крачек) явно преобладали озёрная чайка *Larus ridibundus* (71.4%), речная крачка *Sterna hirundo* (14.5%) и чернохвостая чайка *Larus crassirostris* (8.3%). В оба года не представляли редкости чайконосые крачки *Gelochelidon nilotica*, среди которых встречались особи разных возрастных категорий – от взрослых до сеголетков. Два молодых экземпляра китайской чайки отмечены кормящимися на илистых участках мелководий 7 августа 2013, при этом они легко отличались от озёрных чаек не только мелкими размерами и коротким чёрным клювом, но и особенностями кор-

модобывания. Ранее эту чайку наблюдали в окрестностях Бэйдайхэ в качестве редкого пролётного вида (Williams *et al.* 1992).

Реликтовая чайка была встречена дважды: одна особь держалась отдельно от других видов чаек 4 августа 2013, а две других отмечены в смешанной стае различных видов чаек 5 августа. Все они были в переходном наряде, но легко опознавались индивидуально вследствие различной степени выраженности как остаточной бурой окраски на верхней части тела и крыльев, так и долей тёмных перьев на голове. Ранее этот вид наблюдали в окрестностях Бэйдайхэ во время пролёта (Bakewell *et al.* 1989; Williams *et al.* 1992). Следует отметить, что в течение всего периода наших наблюдений (более интенсивно – в его конце) мы наблюдали достаточно активную транзитную миграцию чайковых птиц и куликов в южном направлении.

Литература

- Глущенко Ю.Н. 2013. Китайский бюльбюль *Pycnonotus sinensis* – новый вид в авифауне России // *Рус. орнитол. журн.* **22** (835): 46-47.
- Глущенко Ю.Н., Кальницкая И.Н., Катин И.О., Коробов Д.В., Лю Хуа Цзинь 2012. Фаунистические заметки по птицам Приморского края и прилежащих территорий Северо-Восточного Китая // *Дальневосточный орнитол. журн.* **3**: 53-60.
- Глущенко Ю.Н., Кальницкая И.Н., Коробов Д.В. 2011. Колониальные гнездовья пеликанообразных и аистообразных птиц (Pelecaniformes, Ciconiiformes, Aves) на озере Ханка в 2011 г. // *Животный и растительный мир Дальнего Востока*. Сер.: Экология и систематика животных. Вып. 15. Уссурийск: 39-44.
- Глущенко Ю.Н., Липатова Н.Н., Мартыненко А.Б. 2006. *Птицы города Уссурийска: фауна и динамика населения*. Владивосток: 1-264.
- Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю. 2006. *Список птиц Российской Федерации*. М.: 1-256.
- Равкин Е.С., Челинцев Н.Г. 1990. *Методические рекомендации по комплексному маршрутному учёту птиц*. М.: 1-33.
- Bakewell D.N., Carey G.J., Duff D.G., Palfery J., Parker A., Williams M.D. 1989. Observations of Relict Gull *Larus relictus* on passage at Beidaihe, People's Republic of China // *Forktail* **4**: 77-87.
- Brazil M.A. 2009. *Birds of East Asia*. London: 1-528.
- Check-list of Japanese Birds*. 2012. 7th revised edition. The Ornithol. Soc. Japan: 1-438.
- China. Handbook of names of the birds in 1997*: 1-466.
- La Touche J.D. 1920. Notes on the birds of north-east Chihli in north China // *Ibis* **11**, 2: 629-671.
- La Touche J.D. 1921. Notes on the birds of north-east Chihli in north China // *Ibis* **11**, 3: 3-48.
- MacKinnon J., Phillips R. 2000. *A Field Guide to the Birds of China*. Oxford Univ. Press: 1-571.
- Williams M.D., Carey G.J., Duff D.G., Weishu Xu. 1992. Autumn bird migration at Beidaihe, China, 1986-1990 // *Forktail* **7**: 3-55.
- Williams M.D., Dorner J. 1991. Changes in numbers of migrants recorded at Beidaihe // *China Flyway* **2.1**: 22-27.

Новое о гнездящихся птицах юго-западного Приморья: неопубликованные материалы прежних лет об орнитофауне Шуфанского (Борисовского) плато

А.А.Назаренко

Александр Александрович Назаренко. Биолого-почвенный институт ДВО РАН, проспект 100-летия Владивостока, д. 159, Владивосток, 690022, Россия. E-mail: birds@ibss.dvo.ru

Поступила в редакцию 7 октября 2014

В рамках двустороннего сотрудничества между Национальным институтом биологических ресурсов Республики Корея и БПИ ДВО РАН, (2014-2015 годы) наша лаборатория орнитологии получила заказ на написание справочника по орнитофауне территории, непосредственно примыкающей к Корейскому полуострову. Размер и конфигурация этой территории, по условиям договора, определялись нашим выбором. Было решено, что это будет всё юго-западное Приморье: его материковая часть вплоть до границы с Китаем и примыкающая акватория залива Петра Великого с многочисленными островами.

Поскольку одной из задач этого проекта, возможно, наиболее важной, являются оценки текущего состояния популяций птиц и динамические процессы в орнитофауне этого района на протяжении XX и нынешнего столетий, естественно, крайне востребованными оказались данные прежних лет, по тем или иным причинам не опубликованные, либо не обратившие на себя внимание.

Таким местом в пределах избранного района является приграничное Шуфанское (в 1972 году переименованное в Борисовское) базальтовое плато. Его венчает плоский купол Вершина Сандуга высотой 745 метров над уровнем моря. Южная периферия плато – изолированные столовые горы Красный и Синий утёсы – была бегло обследована ещё в начале 1960-х годов (Назаренко 1971а; Панов 1973).

Необходимость работы на самом плато, откуда были известны «островные» лиственничные леса (Шишкин 1934), диктовалась надеждой обнаружить там поселение косматого поползня *Sitta villosa*, что в дальнейшем и оправдалось (Назаренко 1988/1990).

Первые же работы на плато (26 июня – 9 июля 1971) показали, что это настоящий «затерянный мир» птиц. Достаточно упомянуть сенсационное обнаружение там большого гнездового поселения малой пестрогрудки *Tribura davidi*, известной в то время только из западной окраины Амурской области. Позже именно на этом плато было впервые

доказано гнездование хохлатого орла *Nisaetus nipalensis orientalis* (Горчаков, Нечаев 1991) – нового для России вида и рода ястребиных птиц. А ещё позже на одной из скальных стен на северо-востоке плато обнаружено гнездование балобана *Falco cherrug* (Курдюков 2002) – вида, явно не аборигенного для восточной окраины Азии.

Экологическая среда. Будет охарактеризована лишь для южной, лесной, части плато. Поверхность плато – это слабо-всхолмлённая равнина, постепенно понижающаяся к северу. Её внутренний, западно-ориентированный «горный» рельеф задаётся глубоко врезанными долинами водотоков бассейна пограничной реки Гранитной. Да и сама эта река, в средней части плато, течёт в глубоком, до 300 м, каньоне. Уровень его днища здесь – 420-400 м н.у.м.

Соответственно, все сухие склоны заняты (либо были заняты в прошлом) кедрово-широколиственными лесами со значительным участием ели и пихты. Это так называемые кедрово-ельники. Однако местами, на северных склонах этих внутренних долин, произрастают настоящие таёжные зеленомошные елово-пихтовые леса. На плоских заболоченных (либо с высоким уровнем грунтовых вод) местах произрастают лиственничные леса разнообразного характера, вплоть до голубичных марей. Либо сохранились их остатки.

К северу, где плато несколько понижается, все сухие места, в том числе и горизонтальные, заняты старыми, но явно вторичными дубняками с редкой примесью старых и огромных лиственниц. По данным П.К.Шишкина (1934), в этих местах в 1920-х годах были вырублены обширные массивы лиственничных лесов.

Хозяйственная деятельность человека – а погранзаставы здесь существуют с незапамятных времён – значительно разнообразила среду обитания для птиц: локальные рубки и пожары привели к возникновению вторичных лесов и древесно-кустарниковых зарослей, а необходимость содержания лошадей в прошлом – лугов. Появление пограничных инженерных сооружений («пограничной системы») и прежде всего полосы открытого грунта (КСП) и высоких опор, способствовало появлению в таких местах китайской белой трясогузки *Motacilla alba leucopsis*, пятнистого конька *Anthus hodgsoni*, черноголового чекана *Saxicola (maura) stejnegeri* и ряда других птиц.

В целом, современная среда на плато имеет сложный, мозаичный характер, предлагая благоприятные условия для птиц с разными экологическими требованиями. В местной фауне легко может быть выделена аборигенная составляющая – обитателей лесных интерьеров, и позднейшие «наслоения». Последние продолжаются и поныне.

Я работал на плато в следующие сроки: 26 июня – 9 июля 1971, 6-14 июня 1984, 24-28 июня 1997, 19-24 июня 1998, 10-18 июня 2000. В двух первых случаях это была южная, самая высокая часть плато, и я

базировался на заставе «Таёжная». В последующие годы – южно-средняя часть, где я останавливался либо на заставе «Полковница», либо ещё сохранялась возможность ненадолго базироваться (с машиной) за «системой». Лишь в первый год работы (1971), ещё до эпохи «погрансистемь», у меня не было затруднений с коллектированием птиц. В последующие годы это стало невозможно.

Далее будут упоминаться виды двух категорий: 1) Неизвестное ранее гнездование на плато и, соответственно, в юго-западном Приморье; 2) Верхние пределы обитания или гнездования популяций для этого района. Видовая номенклатура и последовательность высших таксонов для неворобьиных принимаются по: Dickinson, Remsen (2013); для воробьиных последовательность семейств по: Brazil (2009).

Мандаринка *Aix galericulata*. 26 июня 1997 на камнях сильно обмелевшей реки Гранитной наблюдалась группа из трёх самцов: два рядом и один поодаль. Птицы были в полном брачном наряде, даже оранжевые «веера» на крыльях ещё сохранялись. Здесь же 19 июня 1998 наблюдалась самка с 2, по крайней мере, ещё совсем небольшими птенцами. Колорит этого места был вполне горным.

Фазан *Phasianus colchicus*. Распространён в южной части плато очень локально: в 1997 году по крикам и следам на грязи был отмечен только у заставы «Полковница», а в 2000 году в этом же районе – по вечерним крикам двух самцов у нашего лагеря близ «системь».

Рябчик *Tetrastes bonasia*. У нас не стояла задача выяснить состояние популяции на плато, но пятилетние наблюдения, охватившие временной интервал почти в 30 лет, позволяют заключить, что эта популяция значительная по численности и устойчивая. Проблема в отсутствии на плато потребителей этого ресурса, см. далее.

Большая горлица *Streptopelia orientalis*. В первый год работы вообще не была отмечена. В 1984 году, в этом же месте, большие горлицы уже отмечались, парами, в «освоенной» части плато, в том числе близ заставы «Таёжная». К 2000 году численность несколько возросла и птицы, визуальнo и по вокализации, отмечались вдоль «системь», на открытых участках у застав, а гнездились, судя по направлению их перелётов, в прилегающих лесах или мелкоколесье.

Иглохвостый стриж *Hirundapus caudacutus*. В хорошую погоду эти стрижи регулярно наблюдались над плато в его разных местах, одиночно, чаще парами, а иногда по две пары совместно. По опыту работы в разных районах Уссурийского края – это хорошее свидетельство того, что птицы местные. В приморской полосе юго-западного Приморья, в том числе в районе заповедника Кедровая Падь, из-за регулярных туманов с моря, иглохвостый стриж летом полностью отсутствует (Назаренко 1971а; Панов 1973).

Ширококрылая кукушка *Hierocossyx hyperythrus*, **обыкновенная кукушка** *Cuculus canorus*, **глухая кукушка** *Cuculus optatus*. Обычны на плато, но экологические предпочтения к среде у этих видов не совсем совпадают. Ширококрылая кукушка отдаёт предпочтение лесам с преобладанием темнохвойных пород на склонах, тогда как обыкновенная кукушка населяет вторичные леса и перелески, чередующиеся с лугами и иными открытыми местами. Глухая кукушка – тоже преимущественно лесная птица, но спектр заселяемых ею лесов более широк, чем в случае ширококрылой.

Индийская кукушка *Cuculus micropterus*. Присутствие этого вида в данном районе даже не могло предполагаться, поскольку в те годы на юго-западе Приморья фиксировался лишь случайный, единичный пролёт (Назаренко 1971а; Панов 1973).

На Шуфанском плато индийские кукушки фиксировались лишь в годы наиболее ранних визитов в данный район: 1984 год — две птицы по крикам 10 и 14 июня близ заставы «Таёжная»; 1998 – глубоко врезанная долина ручья близ его впадения в реку Гранитную, два самца энергично кричали вечером 18 и утром 19 июня; 2000 – 14-17 июня, горная открытая после старых рубок долина ручья Игнашкин из бассейна той же пограничной реки. Птицы в эти дни отмечались визуально и по голосам по всей долине, от нашего лагеря и вниз по течению до 3 км. Известно, что у *C. micropterus* крайне обширные индивидуальные участки, и как прочие кукушки, они активно вокализуют, ещё не завершив миграции. Кроме того, нам не удалось обнаружить на плато каких-либо сорокопутов, если не считать одной пары тигровых, отмеченной ещё в первый год работы, см. далее (известно, что на среднем Амуре индийские кукушки паразитируют на сибирском жулане *Lanius cristatus* – Нейфельдт 1963). Так что пока статус индийской кукушки на плато – поздний мигрант.

Большой погоньш *Zapornia paykullii*. 14-17 июня 2000, то же, что и выше, место. Было время ночного полнолуния, и всё живое, что подавало голос в окрестностях нашего лагеря, можно было слышать прямо из палатки. В том числе и «бульканье» большого погоньша.

Вальдшнеп *Scolopax rusticola*. На плато обычен, хотя и немногочислен. Однако в первый год работы (1971) вальдшнеп странным образом остался незамеченным. В 1984 году в этой же местности птицы неоднократно отмечались на тяге, а 9 июня Е.Кушнарёв (мой напарник) обнаружил выводок из 4 пуховичков, взрослая птица отводила. В 2000 году, несколько к северу, в лесистой открытой долине на окраине зеленомошного ельника рядом с дорогой С.Храпко и С.Авдеюк при установке живоловок на грызунов спугнули птицу прямо с яиц. Я осмотрел эту кладку на следующий день. Вечером у нашего лагеря, в 1 км от этого места, была отмечена птица во время тяги.

Хохлатый осоед *Pernis ptilorhynchus*. Наблюдался лишь однажды: птица (тёмная фаза) наблюдалась в полёте над каньоном Гранитной 21 июня 1998.

Пегий лунь *Circus melanoleucos*. Самцы дважды наблюдались на лесных лугах в конце июня 1971 года (точные даты в дневнике не указаны).

Малый перепелятник *Accipiter gularis*. Лишь одна встреча: самец 9 июня 1984 близ заставы «Таёжная».

Перепелятник *Accipiter nisus*. Самка наблюдалась в полёте на уровне плато (700 м) над каньоном реки Гранитной 27 июня 1997.

Тетеревятник *Accipiter gentilis*. За пять визитов на плато лишь одна встреча – 16 июня 2000 в долине уже упоминавшегося Игнашкиного ручья. Но это было свидетельство гнездования. Мне необходимо было попасть в устье упомянутого ручья, и проходя это место, а это была старая вырубка долинного кедровника, я подвергся пассивной атаке самца: ястреб с тревожными криками стал летать надо мной на высоте около 20 м. На обратном пути я устроил здесь обеденный привал, и птица сначала вела себя столь же беспокойно, а затем, видимо успокоившись, стала летать, покрикивая, надо мной «челноком»: с одного склона долины на противоположный, ненадолго присаживаясь на деревья опушки. Наконец, она села на сухое дерево в 150 м и чуть выше по склону и стала наблюдать за мной. Кроме того, в конце июня 1971 (точная дата в дневнике не указана) я наткнулся на груды перьев сойки на лесной дороге – остатки трапезы, скорее всего, тетеревятника.

Восточный сарыч *Buteo japonicus*. За пять визитов на плато не было ни одной достоверной встречи. Между тем мой опыт работы в более северных, в том числе горных районах позволяет заключить, что Шуфанское плато в его современном состоянии – просто идеальная среда для сарыча (см. ниже раздел об ошейниковой совке), как и для тетеревятника. Несоответствие между наличием потенциальных ресурсов и парадоксально низкой плотностью популяции этих видов на юге Приморья уже обратило на себя внимание (Шульпин 1936; Панов 1973). Мне кажется, что возможным объяснением этого может быть то, что данный район, в особенности юго-западное Приморье, лежит на окраине ареалов этих видов на востоке материковой Азии.

Ястребиный сарыч *Butastur indicus*. Отмечен лишь однажды, 27 июня 1997, в полёте над каньоном реки Гранитной. Из этого места – т.н. Скалистого мыса (700 м н.у.м.) – открывается потрясающий вид на каньон, китайскую часть плато и воздушное пространство. Отсюда мной наблюдались и другие птицы, в том числе иглохвостые стрижи.

Восточная совка *Otus sunia*. Неоднократно, но не часто, фиксировалась по голосу при прослушивании «ночного леса» в разных местах плато, но не в глубине таёжных лесов.

Ошейниковая совка *Otus (bakkamoena) semitorques*. Одна из моих неожиданных находок на плато. 1 июля 1971 на открытой поляне среди кедрово-ельника (на высоте ≈ 600 м н.у.м.) я наткнулся на выводок из 5 птенцов в мезоптиле, которые тесной группой сидели в большом кусте сирени в полном цвету. Я их некоторое время разглядывал в бинокль с расстояния 5-6 м. Один из них, самый маленький, оказался рыжей фазы. У всех оранжевые глаза. Затем птенцы вдруг стали разлетаться в разные стороны, видимо, услышав какой-то сигнал от родителей. Я не без труда разыскал одного и добыл. Птенец был очень упитанным, а в его желудке оказалась лесная полёвка. В этой местности полёвки постоянно выдавали своё присутствие, что свидетельствовало о высокой численности популяции в том году.

Это первое свидетельство возможности обитания этого южного вида в поясе кедрово-еловых лесов.

Длиннохвостая неясыть *Strix uralensis*. Регулярные визуальные встречи и прослушивание «ночного леса» позволяют заключить, что эти птицы на плато обитают повсеместно и в разных лесах.

Вертишейка *Jynx torquilla*. Лишь в первый (1971) год работы была отмечена несколько раз по крикам в редколесных лиственничниках и в мелколесье с лугами по старым гарям и вырубкам. Странным образом, в последующие годы вертишейка нигде более не встречалась. Формальный верхний предел обитания популяции в данном районе — ≈ 700 м н.у.м.

Седоголовый дятел *Picus canus*. Судя по визуальным наблюдениям и вокализации, популяция вида на плато, не будучи многочисленной, приурочена к дубовым лесам с лиственницей (≈ 600 н.у.м.) и различным вторичным лесам и перелескам примерно на этом же высотном уровне.

Желна *Dryocopus martius*. Самый заметный, если судить по его далеко слышной вокализации и визуальным встречам и, видимо, самый многочисленный из дятлов на плато. Обитает во всех лесах, отдавая предпочтение несколько расстроенным локальными пожарами и рубками насаждениям. Доверчив: 7 июня 1984 найдено гнездовое дупло в дубе на высоте 15 м, из которого высовывали головы, выпрашивая корм, два уже почти выросших птенца. Дерево стояло прямо у ограждения из колючей проволоки, и мимо него ежедневно проходил пограничный наряд.

Малый острокрылый дятел *Dendrocopos kizuki*. Всего две встречи: 26 июня 1997 по позывке отмечен в приручейном лесу близ впадения ручья в реку Гранитную (420 м н.ур.м.). 27 июня 1997 в этой же местности наблюдался выводок из 3 молодых в сопровождении одной взрослой птицы, которая их кормила. Все дятлы были очень подвижны, перемещались независимо друг от друга, и трудно было определить,

сколько их было в действительности. Место встречи: старый дубовый лес с примесью лиственниц на плато (650 м н.у.м.).

Белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos*, **большой пёстрый дятел** *D. major*. В целом местные популяции этих видов немногочисленны и приурочены, как и у седоголового дятла, к старым дубовым лесам с лиственницей и различным вторичным широколиственным насаждениям. 3 июля 1971 по крикам птенцов найдено гнездовое дупло большого пёстрого дятла, устроенное в дубе на высоте 10 м.

Малый пёстрый дятел *Dendrocopos minor*. Отмечен лишь один раз, 15 июня 2000, в древесно-кустарниковых зарослях близ пограничной «системы» на высоте 650 м н.у.м. Любопытно, что в сходных условиях, но несколько к югу, этот дятел встречен 4 июля 1965 близ вершины пограничной горы Высотная, 800 м н.у.м. (Панов 1973).

Трёхпалый дятел *Picoides tridactylus*. Ещё одна непредвиденная гнездовая находка. Пара сильно беспокоящихся трёхпалых дятлов близ гнездового дупла встречена 1 июля 1971 в приручейном кедрово-еловом лесу на высоте 700 м н.у.м. К сожалению, занятый ещё более сенсационными находками в том году, я в следующие посещения плато уже не имел возможности работать в больших массивах этих лесов.

Личинкоед *Pericrocotus divaricatus*. На плато наблюдались только в полосе дубовых лесов с примесью лиственниц, в том числе на пологих склонах, и в разнообразных производных широколиственных лесов. Присутствие личинкоеда легко выявляется по территориальным воздушным демонстрациям, сопровождаемых издали слышимой вокализацией.

Тигровый сорокопут *Lanius tigrinus*. Пара тигровых сорокопутов неоднократно наблюдалась на гнездовом участке в конце июня 1971 года в полосе опушки изреженного дубово-лиственничного леса. Другие виды сорокопутов вообще не попадались.

Известно, что «мелкие» сорокопуты, включая сибирского жулана, в период насиживания и выкармливания маленьких птенцов ведут себя поразительно скрытно. И только у гнёзд с подросшими птенцами и при слётках, с середины июля, они выдают своё присутствие громкой тревожной позывкой. Так что исключить возможность гнездования в южной части плато сибирского жулана нельзя.

Сойка *Garrulus glandarius*. Отмечена как немногочисленная птица преимущественно в дубняках с лиственницей, производных широколиственных лесах и даже по окраинам кедрово-ельников.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. Наблюдалась только в 1971 и 1984 годах, когда обследовались кедрово-еловые и елово-пихтовые леса. В начале июня 1984 года отмечались одиночные взрослые птицы, а в конце июня – начале июля 1971 года уже можно было наблюдать группы (выводки) до пяти особей, но и одиночных птиц также. В по-

добной же обстановке к югу от плато и на восточном макросклоне плато кедровки в начале-середине июля 1965 года наблюдались Е.Н.Пановым (1973). Безусловно, в приграничных горах юго-западного Приморья существует локальная популяция этого вида.

Большеклювая ворона *Corvus macrorhynchos*. В целом малочисленна. Изредка и в полёте отдельные особи и группы наблюдались в разных местах, а их концентрации до 10 особей – только у погранзастав. Там имеется своё хозяйство, и случалось наблюдать, как вороны с наполненными подъязычными мешками улетали в определённом направлении. В собственно лесной обстановке я их не видел.

Белобрюхая синица *Parus minor*. Характерна для дубовых лесов, в том числе с примесью лиственниц и белой берёзы на самом плато (500-600 м н.у.м.). Наблюдалась также в разнообразных вторичных широколиственных лесах и перелесках. По приручейным широколиственным зарослям, после вырубki хвойных пород, спускается вниз до уровня магистральной реки этого района.

Московка *Periparus ater*. Многолетний мониторинг и учёты численности московки в южной половине Приморского края показали, что население этого вида крайне динамично как по численности, так и по срокам сезонных перемещений (Назаренко 1971а, 1984; Панов 1973). Это полностью подтверждается на примере Шуфанского плато. В 1971 году наблюдалась повсеместно высокая численность московок от кедровников до дубняков с лиственницей. В 1984 году в начале июня отмечен хорошо заметный пролёт в северо-западном направлении: птицы одиночно или группами до трёх придерживаются вершин деревьев и перемещаются сразу далеко. Не поют. Однако 13 июня наблюдалась московка, собирающая корм. В 1997 году была невысокая численность московок, но они отмечались даже в дубняках с лиственницей близ каньона реки Гранитной. Для 1998 года в дневнике записи об этом виде отсутствуют. В 2000 году этих птиц было немного, но они встречались повсеместно.

Болотная гаичка *Poecile palustris*, **пухляк** *P. montanus*. В южной части плато высотные пределы распространения этих синиц почти совпадают. Естественно, первый вид отдаёт предпочтение насаждениям с преобладанием широколиственных пород, включая дубняки с лиственницей, а второй – лесам таёжного колорита. В лесах переходного характера они обитают вместе. Численность местных популяций довольно значительно варьирует в разные годы, в особенности у пухляка. В таком случае птицы отмечались только в «типичной» среде.

Ласточка-касатка *Hirundo rustica*, **рыжепоясничная ласточка** *Secropis daurica*. Эти виды стали гнездиться на постройках пограничных застав с 1969 года (информация от одной из офицерских жён) – после завершения нового типового строительства погранзастав, вклю-

чая и жильё для семейных офицеров. В 1984 году на строениях заставы «Таёжная» гнездились около 15 пар касаток и 6 пар рыжепоясничных ласточек. Были и старые гнёзда.

Ополовник *Aegithalos caudatus*. В 1971 году эти птицы, уже семейными группами, отмечались повсеместно, в том числе в дубовых лесах с лиственницей. В 1984 году в начале июня близ заставы «Таёжная» была отмечена лишь одна пара. Но возможно, что ополовники в это время ещё вели малозаметный образ жизни. В конце июня 1997 года в дубняках с лиственницей на плато отмечались немногочисленные семейные группы.

Короткохвостка *Urosphena squameiceps*. Как и повсюду, короткохвостка заселяет захламлинные участки (с буреломом) в кедрово-еловых лесах. Численность на плато невысокая. Например, в 1984 году в типичном месте она отмечена по пению лишь однажды, 11 июня. В 1997 году, несколько севернее, между 24 и 28 июня отмечалась по вокализации несколько раз в приручейном кедровнике.

Короткокрыла камышевка *Horeites canturians*. В 1971 году одна птица по пению постоянно отмечалась у заставы «Таёжная». В 1997 году три самца обнаружены по пению у заставы «Полковница».

Малая пестрогрудка *Tribura davidi*. Уже в первый же вечер моего появления на заставе «Таёжная» 26 июня 1971 я услышал некие ритмически звенящие звуки, которые доносились из ближайших кустарниковых зарослей и которые, по сезону, не могли принадлежать насекомым. Но мне так хотелось быстрее оказаться в лиственничнике, чтобы начать поиски там косматого поползня, что ранним утром следующего дня я туда и направился, тем более что вчерашние почему-то молчали. Зато лиственничники меня вознаградили сполна: я обнаружил там и поползней, и пестрогрудок. Материалы двух первых визитов на плато были использованы в рукописи «Род пестрогрудки *Tribura*» для 10-го тома «Славковые птицы СССР» (редактор-составитель А.Ф.Ковшарь). Все дальнейшие материалы вошли в рукопись с таким же названием для двухтомника из серии «Птицы России и сопредельных стран» (редактор-составитель М.В.Калякин).

Можно лишь сказать, что по крайней мере в течение 30 лет, с 1971 по 2000 год, это поселение существовало на Шуфанском плато.

Пятнистый сверчок *Locustella lanceolata*. Ещё один новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. В 1971 году пятнистые сверчки были обнаружены по пению 29 июня и 5 июля в обширном лиственничном массиве. Участки: лиственничная марь – угнетённый редкостойный лиственничник с подлеском из голубики и кустарниковой берёзки; ольховое мелколесье под пологом высоких редкостоящих лиственниц. И те и другие места были очень сырыми, и наземный ярус составлял травянистый кочкарник. Это же место я посетил во второй

приезд 8, 12 и 13 июня 1984 и отметил по пению 4 птиц. Все они пением реагировали на моё присутствие, видимо, на их территории, стоило мне удалиться, как они замолкали. К сожалению, я не имел возможности работать в этом массиве рано утром и после захода солнца, поскольку ко времени второго визита он уже находился за пограничной системой. Были обследованы физиономически сходные места, но без лиственниц, доступные в любое время (т.е. перед «системой»), но птиц там обнаружить не удалось. Не удалось обнаружить пятнистых сверчков 14-17 июня 2000 и в местности в 5 км к северу, когда мы разбили лагерь прямо в лиственничнике за «системой», а рядом ещё находилось кочкарниковое болото, поросшее ольховником. Здесь без проблем были обнаружены и записаны пестрогрудки.

Так что статус поселения пятнистого сверчка на Шуфанском плато остаётся не совсем ясным. Отметим, что в южном Сихотэ-Алине существуют только изолированные поселения этого вида в островных массивах лиственничных лесов: в истоках реки Уссури близ горы Облачная, в урочище «Мута», и два поселения – на Майхэ-Даубихинском (ныне Шкотовском) плато (Назаренко 1971б).

Пестроголовая камышевка *Acrocephalus bistrigiceps*. Небольшое поселение в зарослях полыни у заставы «Таёжная», 1998 и 2000 годы.

Толстоклювая пеночка *Phylloscopus schwarzi*. Поскольку леса на плато и ныне, и в прошлом были значительно расстроены рубками и пожарами и восстановительные сукцессии шли повсеместно, толстоклювая пеночка является фоновым видом плато. Проще указать, где её нет: в сохранившихся участках кедрово-ельников, в подобных же елово-пихтовых лесах и в сомкнутых лиственничниках. Она обитает и в старых дубовых лесах с лиственницей, но там она всё-таки не доминирует. В глубоких внутренних долинах, пройденных рубками, толстоклювую пеночку можно увидеть в куртинах ив и другого древесного подроста у разнотравных полей, но везде одиночно. В оптимальных условиях с места можно услышать 3-4 птиц.

Корольковая пеночка *Phylloscopus proregulus*. Как и везде, корольковая пеночка экологически и пространственно связана с лесами, где темнохвойные породы либо преобладают, либо присутствуют в той или иной степени. На плато это кедрово-еловые и елово-пихтовые леса. Эта пеночка практически игнорирует лиственничники, если там отсутствует хотя бы небольшая примесь кедра или других темнохвойных пород. Однако в небольшом числе и только на склонах наблюдалась в дубняках с примесью крупных экземпляров лиственниц.

В территориальном распределении корольковой пеночки имеет место одна важная деталь: необходимо, чтобы песенный пост, а им являются макушки хвойных деревьев, по высоте существенно превалировал над окружающими деревьями лиственных пород. Эта загадочная

особенность самца – господствовать над окружающим пространством – может проявляться самым неожиданным образом. Например, у западной окраины плато, прямо на бровке каньона реки Гранитной (урочище «Скалистый мыс») я два года подряд (1997 и 1998) наблюдал корольковую пеночку, поющую на вершинках нескольких древовидных можжевельников. Под ними начинался провал в 300 м, а на её уровне, но в стороне от обрыва – куртинки невысоких дубняков. Абсолютно идентичную картину я наблюдал 8 июня 1997 севернее, в расположении погранзаставы имени Стрельникова. Там был почти такой же обрыв над рекой Уссури, а певец сидел на невысоком дубке у его края. Здесь, как и в первом случае, не было хвойных деревьев поблизости.

Я заканчиваю этот этюд на следующем: я заметил, что на плато под этим «обаянием пространства» находился не только самец корольковой пеночки. Поодаль, на вершинах небольших деревьев у бровки плато или чуть ниже, на крутом склоне, можно было видеть синюю мухоловку и белогорлого дрозда. Они тоже там пели.

Бледноногая пеночка *Phylloscopus tenellipes*. Как и повсюду, населяет приручейные участки в кедрово-ельниках и в переходных насаждениях от них к дубнякам с лиственницей; мелколесье по окраинам лиственничников. Кроме того, она встречена (1984 год) в древесно-кустарниковых зарослях вдоль дорог и на гудах грунта, оставленных бульдозерами при строительстве пограничной системы. Популяция этого вида здесь вполне жизнеспособна.

Сибирская зелёная пеночка *Phylloscopus plumbeitarsus*. Наблюдалась только в 1984 году: рассеянные встречи в кедрово-ельниках и елово-пихтовых насаждениях на склонах внутренних долин. 11 июня на маршруте в 8 км по подобным местам зелёная пеночка отмечена дважды, причём по тревожному поведению, включая позывку. Ранее, 7 июня, зарегистрирована по пению на участке леса с преобладанием широколиственных пород. Скорее всего, это был запоздалый мигрант. Поскольку, как уже было упомянуто, в последующие годы я не имел возможности работать в этих лесах, статус этого вида в данном районе остаётся неясным.

Светлоголовая пеночка *Phylloscopus coronatus*. На плато существует многочисленная и жизнеспособная популяция. Об этом свидетельствует то, что в спектр местообитаний светлоголовой пеночки здесь входит максимальное для неё разнообразие лесных сообществ. Прежде всего, это хвойно-широколиственные леса и мелколесье. Светлоголовая пеночка – обычный компонент дубовых лесов с лиственницей, и с ними выходит до уровня 700 м н.у.м. Естественно, она не живёт под пологом сохранившихся кедрово-ельников и тем более зеленомошных ельников, но в берёзовом мелколесье на месте обширных полей или старых вырубок среди них её можно встретить. По мелколесью вдоль

дорог светлоголовая пеночка также проникает в эти леса. Кроме того, в настоящее время она заселяет разнообразные древесно-кустарниковые заросли вдоль пограничной системы.

Ранее, в 1971-1984 годах (и, очевидно, раньше) светлоголовая пеночка (как и многие другие виды, в том числе косматый поползень), обитала на плато и под пологом сложных многоярусных лесов, где самый верхний уровень образовывали гигантские редкостойные лиственницы. Далее находился заметно более низкий ярус из старых кедров и елей, тоже редкостойных. Всё остальное пространство занимали широколиственные породы: дуб, ясень, липа. Интересно, что эти леса были светлыми, не дремучими. Однако позже они были полностью вырублены. В том числе и потому, что при делимитации границы на плато в середине 1990-х годов часть этой территории (левобережный участок бассейна ключа Гранитного!) отошла Китаю.

Буробокая белоглазка *Zosterops erythroleurus*. Достоверно отмечалась только в 1984, 1997 и 2000 годах. Действительно, популяция этого вида, в среднесрочном контексте, достаточно вариабельна.

На плато численность невысокая, и птицы по голосу и визуально отмечались в разнообразных широколиственных лесах и перелесках, в последних – среди дубняков с лиственницей. Кроме того, встречались в такой же экологической обстановке вдоль пограничной системы. Формальный верхний уровень, на котором фиксировались белоглазки, составляет 600-650 м н.у.м.

Желтоголовый королёк *Regulus regulus*. Достоверно отмечался только в два первых визита на плато, в 1971 и 1984 годах, когда я имел возможность специально обследовать массивы кедрово-широколиственных лесов. В целом обычен, но численность в те годы была невысокой. Населяет преимущественно кедрово-ельники. Но однажды королёк был обнаружен по пению в отдельной куртине хвойных деревьев в окружении вторичного широколиственного леса. В 1971 году королёк дважды отмечался по пению в чистых лиственничниках вдали от кедрово-ельников.

Крапивник *Troglodytes troglodytes*. Обычен, типичные места обитания – приручейные участки в кедрово-ельниках. Отмечался также на старых лесосеках в этих же лесах, на местах так называемых «верхних складов» с завалами древесных отходов. Обычно они расположены у борта долины, где протекает ручей. Птицы отличаются высокой вокальной активностью. Эти данные, а также некоторые наблюдения Е.Н.Панова (1973) позволяют заключить, что основная часть популяции крапивника в юго-западном Приморье в период гнездования сосредоточена в горной, западной части этой территории. В заповеднике «Кедровая Падь», например, в прекрасно сохранившихся горных чернопихтово-широколиственных лесах, крапивник гнездится лишь эпи-

зодически и в ничтожном числе (Назаренко 1971а, 1984; Панов 1973).

Косматый поползень *Sitta villosa*. Информация об этом виде (Назаренко 1988/1990; Nazarenko *et al.* 2010), по крайней мере для Шуфанского плато, скорее всего, уже не соответствует современному положению дел, принимая во внимание произошедшие изменения лесов в бассейне Гранитной, о чём упоминалось выше. Мне не удалось обнаружить косматого поползня в дубовых лесах с примесью лиственниц. Скорее всего, потому, что их примесь очень незначительная, и они даже небольших куртин не образуют. И лишь однажды, 14 июня 2000, близ нашего лагеря в бассейне ручья Игнашкин, мне показалось, что я услышал краткую, но характерную модулирующую трель его песни. Здесь находился небольшой участок лиственничника на стыке с кедрово-ельником. Но визуально эту птицу я не обнаружил.

Пищуха *Certhia familiaris*. Странным образом, за все годы работы на плато пищуха была отмечена лишь однажды: по краткому пению 12 июня 1984 в кедрово-ельнике, пройдённому рубкой.

Серый скворец *Sturnus cineraceus*. По наблюдениям в 1971 и 1984 годах, пара серых скворцов гнездилась на заставе «Таёжная». В той же части плато в начале июля 1971 года наблюдались в полёте небольшие группы птиц. Это время – начало нормального отлёта из мест гнездования у этого вида.

Сибирский дрозд *Geokichla sibirica*, **пёстрый дрозд** *Zoothera varia*, бледный дрозд *Turdus pallidus*. Судя по пению, в том числе при прослушивании «ночного леса», эти виды населяют всё разнообразие лесов на плато вплоть до его верхнего уровня (700 м н.у.м.). Например, ночью удалось услышать песню пёстрого дрозда, которая доносилась откуда-то из середины склона каньона реки Гранитной. Судя по нечастым песням, численность популяции сибирского дрозда на плато, как и повсюду, очень низкая.

Сизый дрозд *Turdus hortulorum*. По пению отмечен лишь дважды: 28 июня 1971 в дубняке с лиственницей и 19 июня 1998 в приручейных зарослях водотока близ его впадения в реку Гранитную (420 м). Скорее всего, это заблудившиеся на пролёте птицы.

Соловей-красношейка *Calliope calliope*. Если трактовать фаунистический статус красношейки по месту и дате его первого обнаружения в данном районе, то это – новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. Эти данные следующие: 1) Конец июня – начала июля 1971; поселение было обнаружено в лиственничной массиве – в кустарниковых зарослях и в мелколесье по рединам, на лиственничной мари и в сырых кустарниковых зарослях за пределами лиственничника. В такое время, помимо пения по утрам, птицы, особенно самцы, легко обнаруживают себя своим беспокойным поведением, включая два варианта тревожной позывки. 4 июля наблюдался самец с кормом.

2) 6-14 июня 1984; красношейки обнаружены уже в новой обстановке: в древесно-кустарниковых зарослях по пограничной системе и у дорог близ заставы «Таёжная». Хотя условия работы за «системой» к этому времени ужесточились, я всё-таки побывал в лиственничнике и нашёл красношеек на прежних местах. В конце июня 1997 года соловьи-красношейки по утреннему пению были обнаружены в стандартной обстановке близ заставы «Полковница», что примерно в 10 км к северу. Несколькими загадочно, что 14-17 июня 2000 у нашего лагеря в долине Игнашкина ручья (примерно посередине между упомянутыми заставами) при наличии идеальных условий и, в том числе, ночного полнолуния, птицы ничем себя не обнаружили.

Соловей-красношейка – высокогорный по своему происхождению и появлению на восточной окраине Азии вид (Назаренко 1979). В Уссурийском крае на протяжении уже многих десятилетий происходит освоение им новых южных территорий, где экологическая среда, физиономически идентичная его первичной среде (мозаика древесно-кустарниковых и травянистых зарослей от верхней границы леса и выше) создана хозяйственной деятельностью человека. Этот процесс протекает как бы в двух вариантах: энергичнее всего осваиваются местности типа Шуфанского плато. Подобное «мини-плато» я обнаружил в 1965 году севернее, на крайнем западе края, на горе Кедровая, между прочим, у развалин «закрытой» погранзаставы (700 м н.у.м.). Другой вариант – это освоение уже долинных (Назаренко 1971б) и даже низменных территорий. Во втором случае – это Приханкайская низменность и долина реки Раздольной (Нечаев 1997).

Синий соловей *Larvivora cyane*. На плато почти такой же вездесущий, что и бледный дрозд. Естественно, в дубовых лесах с лиственницей, с их почти парковым характером, отмечался нечасто и лишь по западинкам, где сохранился густой подлесок. По утрам активно поёт до начала июля, но с этого времени уже многие птицы проявляют беспокойство и можно увидеть слётков.

Соловей-свистун *Larvivora (?) sibilans*. «Молекулярные» данные (Sangster *et al.* 2010, fig. 1) свидетельствуют, что этот вид образует очень тесный кластер с видами *akahige* и *komadori* с Японских островов, но не с синим соловьём. Соловей-свистун – новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. В 1971 и 1984 годах наблюдался (фиксирувался по пению) только в кедрово-ельниках у верхнего уровня плато. В поздний визит 1971 года отмечен 27, 29 июня и 1 июля. По оценке в 1984 году, в подобных местах обычен, но численность сравнительно невысокая: на часовом учётном маршруте – от 3 до 5 птиц.

Я думаю, что Е.Н.Панов (1973) просто пропустил этот вид, поскольку его визиты в подобные леса проходили в очень позднее время и были кратковременными.

Сибирская горихвостка *Phoenicurus auroreus*. Отмечена только на заставах, в том числе вылет слётков 5 июля 1971. Кроме того, однажды, наблюдался самец у «системы» близ заставы «Полковница».

Черноголовый чекан *Saxicola (maura) stejnegeri*. При обилии потенциально пригодных мест удивляет очень низкая численность местного населения. Чеканы отмечались на лугах, в том числе у лиственничников, у застав и по пограничной системе.

Белогорлый дрозд *Petrophila gularis*. В своё время (Назаренко 1971а, с. 37-38) я привёл исчерпывающую характеристику среды обитания и состояния популяции этого вида в юго-западном Приморье: «Птицы обнаружены лишь на отдельных вершинах, не ниже 400 м над уровнем моря, на участках с крутыми склонами, выходами коренных пород и нарушенными лесами. Только в горах у западной границы района, где масса скал и обнажений, а леса сильно расстроены, численность популяции возрастает, и птицы спускаются ниже: метров до трёхсот». В условиях собственно плато, в местах, где на крутых склонах внутренних долин леса нарушены, или же это светлые дубовые леса с лиственницей, непременно можно услышать песню и увидеть певца, сидящего открыто на сухой вершине высокого дерева. Как упомянуто выше (в разделе о корольковой пеночке) у кромки каньона реки Гранитной или чуть ниже по склону птицы поют на совсем невысоких деревьях, но здесь открывается крутой склон высотой 300 м. Я не припомню случая, чтобы белогорлый дрозд пел, сидя на скале.

Сибирская мухоловка *Muscicapa sibirica*. В начале июля 1965 года я обнаружил большое поселение этого вида (в период выкармливания птенцов) в островном лиственничнике, в урочище Ларченково болото, на Шкотовском плато (Назаренко 1971б). И ожидал нечто подобное найти и на Шуфанском плато. Но реальность оказалась совершенно неожиданной: за 5 визитов на плато этот вид был встречен лишь однажды, в 1971 году. 1 июля пара сибирских мухоловок встречена на гнездовом участке в изреженном рубкой кедрово-ельнике и ещё одна пара – на гнездовом участке в лиственничнике 3-5 июля. Однако формально, это – новый гнездящийся вид для данного района.

На плато не удалось найти и **пестрогрудую мухоловку** *Muscicapa griseisticta*, большое поселение которой обнаружено и изучено в 1964-1967 годах в обширном изолированном лиственничном массиве (урочище Мута) в истоках реки Усури (Назаренко 1971в).

Ширококлювая мухоловка *Muscicapa dauurica*. С этим видом на плато нас ждала такая же неожиданность: ширококлювая мухоловка отмечена лишь однажды – 5 июля 1971. Я хорошо знаю этот вид «в поле» по своим многолетним учётным работам (Назаренко 1984). Птицы хорошо отличаются от других видов рода *Muscicapa*, названных выше, и по повадкам, и по вокализации. В последнее десятилетие, действи-

тельно, с популяцией этой мухоловки что-то произошло, поскольку птицы перестали наблюдаться и на пролёте, и на гнездовании во многих местах, где приходилось работать. В частности – в Академической роще во Владивостоке. Но визиты на плато пришлись всё-таки на более раннее время. Строго говоря, птицами широколиственно-дубовых и дубовых с примесью лиственниц лесов я специально занимался в два смежных года – 1997 и 1998, проведя примерно одинаковое число дней в середине июня в одном и том же лесном массиве в высотных пределах от уровня пограничной реки до верхней кромки плато. В первый год была хорошая, но жаркая погода, но я останавливался на заставе и выходил за «систему» после 7 ч. Во второй год в это время был сильный вынос с моря, и плато до обеда стояло в тумане, но мы оставались там круглосуточно и имели возможность слушать «ночной лес». И не было проблем со всеми другими видами. Кстати, в свой первый визит на плато я тоже немного поработал в дубняках с лиственницей.

Желтоспинная мухоловка *Ficedula zanthopygia*. В первый, очень поздний по времени, визит на плато этот вид не был отмечен, хотя я немного, но побывал в дубняках с лиственницей. Работы в 1984, 1997 и 1998 годах показали, что желтоспинная мухоловка населяет разнообразные леса и перелески, образованные широколиственными породами, и прежде всего – дубовые леса, включая обширные массивы дубняков с лиственницей, где птицы были отмечены в их разных вариантах, в том числе на пологих склонах и без полян. Верхний уровень составляет примерно 600 м н.у.м. Кроме того, желтоспинная мухоловка отмечена в ленточных древесно-кустарниковых зарослях вдоль лесных дорог и пограничной системы. У этого вида достаточно протяжённый период вокализации, и потому птиц легко обнаруживать.

Таёжная мухоловка *Ficedula mugimaki*. Новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. В 1971 году 29 июня наблюдался встревоженный самец с кормом. Место: высокий редкостойный лиственничник с ярусом ольхового мелколесья высотой до 4 м. Там эта птица и держалась. Встревоженная пара птиц наблюдалась 4 июля также в лиственничнике, причём недалеко от места, где была встречена сибирская мухоловка. Запись в дневнике за 1984 год: «Судя по пению, изреженная (т.е. с невысокой плотностью) популяция существует только в кедрово-ельниках». Рубленные, т.е. изреженные кедрово-ельники эти птицы почему-то игнорируют, хотя подобные участки обследовались неоднократно, в том числе и в 2000 году (Игнашкин ключ). У таёжной мухоловки очень громкая живая песня, и там, где она есть, её очень трудно не заметить.

Синяя мухоловка *Cyanoptila cyanomelana*. Населяет осветлённые, в том числе рубками, хвойно-широколиственные и широколиственные леса горных склонов и долин – участки с выходами коренных пород и

даже скальными массивами или же ветровальными деревьями. Это объясняется тем, что свои гнёзда птицы помещают очень близко к поверхности земли в различных нишах, углублениях, полудуплах (Назаренко 1971а). На плато синие мухоловки обитают в высотном диапазоне от уровня долины пограничной реки до верхнего уступа её каньона – 700 м н.у.м. Численность популяции не очень значительная.

Полевой воробей *Passer montanus*. Небольшие поселения на пограничных заставах.

Китайская белая трясогузка *Motacilla (alba?) leucopsis*. Показано, что по «молекулярным» и окрасочным признакам формы *leucopsis*, *lugens* и *personata* образуют чёткий самостоятельный кластер в комплексе *Motacilla alba* (Pavlova et al. 2005, fig. 3). Добавим, что это касается и некоторых поведенческих признаков. Гнездится на строениях застав, что произошло, вероятно, уже после 1984 года. А выводки держатся на открытых участках близ застав, в том числе на КСП вдоль пограничной системы.

Горная трясогузка *Motacilla cinerea*. Наблюдалась на горных водотоках, включая и магистральную реку в этой части плато, и у застав с самого начала моих исследований. Везде была не очень заметна.

Пятнистый конёк *Anthus hodgsoni*. Новый гнездящийся вид для юго-западного Приморья. Уже в первый визит на плато в 1971 году я наблюдал пятнистого конька во многих местах: в редкостойных лиственничниках, в том числе на марях и на полянах с невысокой травой, на полянах – бывших вырубках, среди кедрово-ельников, у лесных дорог и у заставы «Таёжная». Поскольку у этого вида не менее двух выводков за лето, у птиц продолжительная активность и их легко обнаружить по токовым демонстрациям самцов. Обычный песенный пост – верхушка дерева. 28 июня наблюдались 2 почти доросших слётка под опекой взрослой птицы, а 30 июня на вырубке кедрово-ельника – 3 слётка, сидевших в нижних частях крон елей (обнаружены по птенцовому призывному крику; я не смог их разглядеть). Здесь же была одна беспокоившаяся взрослая птица. В последующем пятнистые коньки были найдены по открытым участкам среди дубовых лесов с примесью лиственниц (уже пели плохо, больше беспокоились), вплоть до верхней кромки плато. Кроме того, встречается повсеместно вдоль «систем».

Пятнистый конёк – это почти полный биогеографический аналог соловья-красношейки: как по своему субальпийскому происхождению (Назаренко 1979), так и по недавней, «вторичной» (спровоцированной человеком) инвазии к югу. Но в южном Приморье, в противоположность северному, он пока полностью игнорирует низменные межгорные пространства.

Китайская зеленушка *Chloris sinica*. Лишь однажды пара птиц встречена у заставы «Таёжная» в 1971 году.

Урагус *Uragus sibiricus*. На плато, как и повсюду, урагус населяет влажные древесно-кустарниковые заросли, чередующиеся с открытыми травянистыми сообществами, от мелколесья и редколесья с лиственницей (≈ 700 м н.у.м.) до таких же зарослей по внутренним долинам на месте вырубленных кедрово-ельников; кроме того – древесно-кустарниковые заросли вдоль дорог и пограничной системы. Обычен.

Клест-еловик *Loxia curvirostra*. В 1971 году, в конце июня – начале июля постоянно наблюдались кочующие группы клестов над местами, где преобладали темнохвойные леса. То же самое наблюдалось и в 1984 году. Распад стай и токовой активности (пение и полёты «бабочкой») не наблюдалось (с 6 по 14 июня). Так что гнездование на плато не было строго подтверждено. В последующие визиты на плато еловик вообще не наблюдался.

Серый снегирь *Pyrhula cineracea*. Строгое подтверждение гнездования этого вида на плато и тем самым в юго-западном Приморье. Птицы наблюдались на плато в 1971, 1984 и 1998 годах и только в его южной части, там, где тогда существовал значительный массив кедрово-еловых и лиственничных лесов. С конца июня 1971 года уже встречались самостоятельные молодые в гнездовом наряде: коллекционный экземпляр от 29 июня в лиственничнике (из «пары» с таким же *juv*). Другая такая же «пара» наблюдалась 5 июля. Отмечались и взрослые птицы, преимущественно самцы, в том числе беспокоящиеся. Коллектирован взрослый самец 30 июня в лиственничнике. В 1984 году серые снегيري наблюдались преимущественно в кедрово-ельниках, от 1 до 3 за экскурсию. Интересно, что явно одни и те же особи отмечались на одном и том же месте 9, 11 и 12 июня. Самая поздняя дата встречи (отмечена по позывке) – 22 июня 1998. Нужно отметить, что видовая позывка у серого снегиря звучит чуть ниже по тону, чем у уссурийского *P. griseiventris*, и в прошлом, когда я специально занимался снегирями (Назаренко 1971, с. 46-48), у меня не было трудностей в определении этих видов в местах совместного обитания по голосу.

Обыкновенный дубонос *Coccothraustes coccothraustes*. Наблюдался на плато только в 1971 году в качестве немногочисленного.

Красноухая овсянка *Emberiza cioides*. Отмечена лишь однажды: в конце июня 1997 года у погранзаставы «Полковница».

Таёжная овсянка *Ocyris tristrami*. Обычна, но численность сравнительно невысока. В основном населяет приручейные участки во внутренних долинах плато, в местах произрастания кедрово-ельников, даже тех, что пройдены рубками, если по бортам долин выросло мелколесье из берёз и хвойных. Верхний предел на плато – 700 м н.у.м.

Седоголовая овсянка *Ocyris spodocephalus*. Обычна, видимо, численность популяции значительно варьирует во времени. В первый визит на плато в 1971 году она поразила тем, что оказалась почти везде-

сущей: отмечалась в дубняках с лиственницей, в кедрово-ельниках, причём не только у полян, в чистых лиственничниках с мелколесьем и в разнообразных древесно-кустарниковых зарослях вдоль дорог и открытых мест. В это время (конец июня – начало июля) уже повсеместно наблюдались тревожащиеся птицы с кормом и слётки. В 1984 году, в начале июня, когда птицы ещё демонстрировали высокую вокальную активность, в черте кедрово-ельников наблюдать седоголовых овсянок не случалось. Но в типичных лиственничниках они встречались повсеместно. В 1997 и 1998 годах, когда я специально занимался птицами дубняков с лиственницей, седоголовую овсянку там я не нашёл, по крайней мере, в «горной» части этих лесов. На местах вырубок кедрово-ельников во внутренних долинах, где возникла мозаика сырых лугов и разнообразных древесно-кустарниковых зарослей, седоголовая овсянка есть. Равно как и повсюду вдоль пограничной системы. Так что верхний уровень обитания вида на плато – 700 м н.у.м.

Желтогорлая овсянка *Cristemberiza elegans*. Типичным местообитанием этого вида на плато являются, как и повсюду, дубовые леса, в том числе светлые дубняки с лиственницей. Верхний уровень обитания – 600-650 м н.у.м. Кроме того, желтогорлые овсянки наблюдались в верхней части внутренних долин – на сухих участках с разнообразными древесно-кустарниковыми зарослями.

Ошейниковая овсянка *Spina fucata*. В недавней публикации о «молекулярной» систематике овсянок (Alström *et al.* 2008, fig. 3, p. 965) показано, что этот вид образует собственный (но не совсем ясный) кластер вне группы видов рода *Emberiza sensu stricta* и совсем в стороне от всех восточно-азиатских видов. В разные годы ошейниковая овсянка отмечалась только на участках низкотравных лугов и в окрестностях заставы «Таёжная». В том числе – на лиственничной мари. В целом численность этого поселения невысокая, поскольку в окрестностях остаётся много незанятых мест. Верхний уровень распространения на плато – 700 м н.у.м.

Я признателен В.Н.Чернобаевой за техническое оформление статьи и В.А.Нечаеву за полезные литературные источники.

Л и т е р а т у р а

- Горчаков Г.А., Нечаев В.А. 1994. Хохлатый орёл, *Spizaetus nipalensis* (Hodgson, 1836), Accipitridae, Aves – новый гнездящийся вид фауны России // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* **99**, 4: 15-17.
- Курдюков А.Б. 2002. Первая гнездовая находка балобана *Falco cherrug* на крайнем юго-западе Уссурийского края // *Рус. орнитол. журн.* **11** (192): 711-716.
- Назаренко А.А. 1971а. Краткий обзор птиц заповедника «Кедровая Падь» // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 12-51.
- Назаренко А.А. 1971б. О распространении некоторых птиц в южном Приморье // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 172-179.

- Назаренко А.А. 1971в. О распространении и биологии пестрогрудой мухоловки *Muscicapa griseisticta* (Swinh) в южном Приморье // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 180-187.
- Назаренко А.А. 1979. К истории орнитофауны субальпийского ландшафта гор Сибири и Дальнего Востока // *Зоол. журн.* **58**, 11: 1680-1691.
- Назаренко А.А. 1984. Птичье население смешанных и темнохвойных лесов южного Приморья, 1962-1971 гг. // *Фаунистика и биология птиц юга Дальнего Востока*. Владивосток: 60-70.
- Назаренко А.А. 1988/1990. Черноголовый поползень *Sitta villosa corea* Ogilvie-Grant в Приморском крае: статус, образ жизни, современное состояние популяции // *Редкие птицы Дальнего Востока и их охрана*. Владивосток: 48-55.
- Нейфельдт И.А. 1963. Индийская кукушка (*Cuculus m. micropterus* Gould) гнездовой паразит амурского жулана (*Lanius cristatus confusus* Stegm.) // *Докл. АН СССР* **151**, 6: 1446-1449.
- Нечаев В.А. 1997. Новые сведения о распространении некоторых птиц южного Приморья // *Животный и растительный мир Дальнего Востока*. Уссурийск, **3**: 92-95.
- Панов Е.Н. 1973. *Птицы южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-375.
- Шишкин П.К. 1934. Лиственница Любарского в Уссурийском крае // *Вестн. ДВФ АН СССР* **9**: 50-84.
- Шульпин Л.М. 1936. *Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья*. Владивосток: 1-436.
- Alström P., Olsson U., Lei F., Wang H-T. *et al.* 2008. Phylogeny and classification of the Old World Emberizini (Aves, Passeriformes) // *Molecular Phylogen. and Evolution* **47**: 960-973.
- Brazil M. 2009. *Birds of East Asia, China, Taiwan, Korea, Japan, and Russia*. London: 1-528.
- Dickinson E.C., Remsen J.V. (eds.) 2013. *The Howard and Moore Complete Checklist of the Birds of the World*. 4th ed. Eastbourne, 1-461.
- Nazarenko A.A., Steinheimer F.D., Surnach S.G. 2010. Systematic Notes of Asia Birds: 73. On the validity of *Sitta villosa corea* Ogilvie-Grant, 1906 from the Korean Peninsula, S.W. Ussuriland and N.E. China // *Bull. Brit. Ornithol. Club* **5**, 5: 117-124.
- Pavlova A., Zink R.M., Rohvert S., Koblik E.A. *et al.* 2005. Mitochondrial DNA and plumage evolution in the White wagtail *Motacilla alba* // *J. Avian Biol.* **36**, 4: 322-336.
- Songster G., Alström P., Forsmark E., Olsson U. 2010. Multi-locus phylogenetic analysis of Old World chats and flycatchers reveals extensive paraphyly at family, subfamily and genus // *Molecular Phylogen. and Evolution* **57**, 1: 380-392.

Оценка численности гусеобразных птиц в дельте Оби в разные годы

М.Г.Головатин, С.П.Пасхальный

Михаил Григорьевич Головатин. Институт экологии растений и животных УрО РАН, ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия. E-mail: golovatin@ipae.uran.r
Сергей Петрович Пасхальный. Экологический стационар Института экологии растений и животных УрО РАН, ул. Зеленая горка, 21, г. Лабытнанги, Ямало-Ненецкий автономный округ, 629400, Россия. E-mail: spsas2006@yandex.ru

Поступила в редакцию 10 октября 2014

Дельта Оби, располагаясь на широтном отрезке реки, начинается от острова Большие Яры (ниже посёлка Салемал), там, где река разделяется на два широких рукава – Надымскую Обь и Хаманельскую Обь (Ганейзер 1975), т.е. между 69°11' и 71°40' в.д. Занимая территорию протяжённостью 116 км, она предоставляет условия для обитания огромному количеству водяных птиц. Большинство данных о гусеобразных дельты получены при учётах водоплавающей дичи в целом в низовьях Оби, главным образом с помощью авиаучётов (Рогачёва, Сыроечковский 1968; Молочаев 1990; Молочаев, Каменев 1998; Перерва и др. 2001). Кроме того, учёты затрагивали только послегнездовой период, когда водоплавающие поднялись на крыло. Чтобы провести оценку гусеобразных в репродуктивный период, в рамках нашей работы по изучению населения птиц поймы Нижней Оби мы исследовали острова дельты Оби летом 2013 года с 26 июня по 4 июля. Территория, охваченная наблюдениями, протянулась от островов Лебендиго и Халейнго ниже посёлка Панаевск (66°43' с.ш., 70°25' в.д.) до выхода в Обскую губу протоки Лайская (66°50' с.ш., 71°30' в.д.) (остров Ермак).

Учёты проводили как во время переездов и специального обследования протоков на моторной лодке, общей протяженностью 147 км, так и на стационарных площадках (6 площадок общей площадью 4.3 км²). Все протоки разделяли на две категории – широкие (от 80-100 до 300-600 м) и узкие (до 10-40 м). Широкие речные рукава, такие как Надымская, Хаманельская, Худобинская Обь, мы не рассматриваем, поскольку большая их часть пустынна – водоплавающие птицы здесь встречаются единично и чаще просто пересекают водное пространство.

Учёты на площадках проводили, чтобы определить численность гусеобразных за пределами протоков – на островах. В соответствии с делением поймы на высотнo-экологические уровни (Петров 1979), мы закладывали площадки в стациях низкого (сора, соровые луга, низинные болота, закустаренные луга, заболоченные кустарники) и высокого уровней поймы (кустарниково-моховые тундры и закустаренные тундры с небольшими озёрами и болотцами на островах) (рис. 1 и 2). Площадки обследовались прохождением наблюдателей параллельным курсом. Расстояние между ними в зависимости от условий местности то увеличивалось (на лугах или в тундре), то уменьшалось (на труднопроходимых болотах или в кустарниках).

Рис. 1. Луга (А) и болота (Б) низкого уровня поймы в дельте Оби.

Рис. 2. Кустарниково-моховые (А) и закустаренные (Б) тундры высокого уровня поймы в дельте Оби.

Таблица 1. Протяжённость протоков и площадь суши (включая озёра) в дельте Оби и обследованная нами территория

Территория	Протяжённость протоков, км		Площадь суши, км ²	
	широкие протоки	узкие протоки	низкая и средняя пойма	высокая пойма
Дельта Оби	335	1027	1520	1080
Обследовано в 2013	94	53	0.9	3.4
Обследовано в 2003		79	2.5-6.7	

Общая протяжённость протоков в дельте Оби (за исключением широких рукавов) и площадь островов, включая озёра на них, была рассчитана с использованием космоснимков Google Earth. Соответствующие цифры, наряду с протяжённостью обследованных нами протоков и общим размером площадок представлены в таблице 1. Для сравнения мы использовали данные, полученные нами при рекогносцировочном обследовании дельты 7-14 августа 2003, когда на суше проводили маршрутные учёты с определением ширины учётной полосы через дальность обнаружения птиц (Головатин 2013). Подсчитывали всех вспугнутых птиц, их видовую принадлежность определяли с помощью бинокля. Во избежание многократного учёта одних и тех же особей обращали внимание на направление перемещений птиц.

Транзитных птиц, летящих на большой высоте, во внимание не принимали. Иными словами, мы говорим о численности птиц, территориально привязанных к району дельты в репродуктивный период (конец июня – начало июля), включая линных (или собирающихся линять) и размножающихся птиц.

Статистическую ошибку учёта оценивали по формуле $SE = \sqrt{N}$ (Смирнов 1964; Järvinen, Väisänen 1983). Соответственно, статистическая ошибка оценок плотности и встречаемости равнялась SE/S или SE/L , где S – площадь, L – длина. Общую оценку численности гусеобразных для всей территории проводили на основе полученных значений встречаемости (протоки) и плотности (острова) путём экстраполяции на всю территорию дельты (см. табл. 1).

Результаты

Соответствующие показатели встречаемости и плотности видов в 2013 году представлены в таблицах 2 и 3, в 2003 году – в таблице 4, расчётные оценки общей численности даны в таблицах 5, 6 и 7.

Таблица 2. Встречаемость гусеобразных (ос./км) на протоках дельты Оби в 2013 году.
 N – число встреченных птиц, B – встречаемость, SE – статистическая ошибка

Вид	Широкие протоки			Узкие протоки		
	N	B	SE	N	B	SE
<i>Cygnus cygnus</i>	48	0.51	0.07	–	–	–
<i>Anas acuta</i>	463	4.93	0.23	619	11.68	0.47
<i>Anas penelope</i>	375	4.0	0.21	330	6.23	0.34
<i>Anas clypeata</i>	3	0.03	0.02	63	1.2	0.1
<i>Anas crecca</i>	50	0.53	0.08	105	2.0	0.2
<i>Aythya fuligula</i>	36	0.38	0.06	52	1.0	0.1
<i>Clangula hyemalis</i>	–	–	–	1	0.0	0.0
<i>Melanitta fusca</i>	–	–	–	3	0.06	0.03
<i>Melanitta nigra</i>	1	0.01	0.01	11	0.29	0.09
<i>Mergus albellus</i>	–	–	–	1	0.03	0.03
<i>Mergus serrator</i>	2	0.02	0.02	–	–	–
<i>Mergus merganser</i>	52	0.55	0.08	5	0.13	0.06

Таблица 3. Плотность гусеобразных (ос./км) на островах дельты Оби в 2013 году.
 N – число встреченных птиц, P – плотность, SE – статистическая ошибка

Вид	Низкая пойма			Высокая пойма		
	N	P	SE	N	P	SE
<i>Cygnus cygnus</i>	5	5.6	2.5	2	0.6	0.4
<i>Anas acuta</i>	50	55.7	7.9	61	17.9	2.3
<i>Anas penelope</i>	57	63.5	8.4	3	0.9	0.5
<i>Anas clypeata</i>	29	32.3	6.0	10	2.9	0.9
<i>Anas crecca</i>	17	18.9	4.6	15	4.4	1.1
<i>Aythya fuligula</i>	14	15.6	4.2	2	0.6	0.4
<i>Clangula hyemalis</i>	–	–	–	2	0.6	0.4
<i>Melanitta nigra</i>	1	1.1	1.1	8	2.4	0.8

Таблица 4. Встречаемость и плотность гусеобразных ($N \pm SE$) в дельте Оби в 2003 году.
 N – число встреченных птиц, B – встречаемость,
 P – плотность, SE – статистическая ошибка

Вид	Протоки			Острова		
	N	B	SE	N	P	SE
<i>Cygnus cygnus</i>	3	0.04	0.02	4	0.6	0.3
<i>Anas platyrhynchos</i>	4	0.05	0.03	5	2.0	0.9
<i>Anas acuta</i>	344	4.35	0.23	217	32.4	2.2
<i>Anas penelope</i>	102	1.3	0.13	142	23.3	2.0
<i>Широконоска</i>	37	0.47	0.08	4	1.6	0.8
<i>Anas crecca</i>	58	0.73	0.10	56	11.4	1.5
<i>Aythya fuligula</i>	131	1.66	0.14	61	9.2	1.2
<i>Aythya marila</i>	12	0.15	0.04	13	2.0	0.5
<i>Clangula hyemalis</i>	–	–	–	23	3.5	0.7
<i>Melanitta nigra</i>	15	0.19	0.05	–	–	–
<i>Mergus albellus</i>	4	0.05	0.03	4	0.6	0.3
<i>Mergus serrator</i>	1	0.01	0.01	2	0.3	0.2
<i>Mergus merganser</i>	26	0.33	0.06	–	–	–

Таблица 5. Оценка численности гусеобразных ($N \pm SE$) в разных частях дельты Оби в 2013 году

Вид	Протоки				Острова			
	Широкие		Узкие		Низкая пойма		Высокая пойма	
	N	SE	N	SE	N	SE	N	SE
<i>Cygnus cygnus</i>	171	25	–	–	8469	3787	634	448
<i>Anas acuta</i>	1652	77	11989	482	84688	11977	19336	2476
<i>Anas penelope</i>	1338	69	6391	352	96545	12788	951	549
<i>Anas clypeata</i>	11	6	1220	154	49119	9121	3170	1002
<i>Anas crecca</i>	178	25	2034	198	28794	6984	4755	1228
<i>Aythya fuligula</i>	128	21	1007	140	23713	6337	634	448
<i>Clangula hyemalis</i>	–	–	19	19	–	–	634	448
<i>Melanitta fusca</i>	–	–	58	34	–	–	–	–
<i>Melanitta nigra</i>	4	4	297	90	1694	1694	2536	897
<i>Mergus albellus</i>	–	–	27	27	–	–	–	–
<i>Mergus serrator</i>	7	5	–	–	–	–	–	–
<i>Mergus merganser</i>	185	26	135	60	–	–	–	–

Обсуждение результатов

Численность гусеобразных в дельте Оби претерпевает значительные колебания в зависимости от уровня водности на всей Нижней Оби. Неблагоприятными для них являются годы как с низким, так и с высоким уровнем воды: в первом случае сокращаются места гнездования и линьки, во втором – они надолго заливаются водой. Изменение уровня водности приводит к перераспределению водоплавающих по пойме Оби (Кривенко 1991): в маловодные годы птицы перемещаются в низовья или покидают этот район, в полноводные годы перемещаются

Таблица 6. Оценка численности гусеобразных ($N \pm SE$) в разных частях дельты Оби в 2003 году

Вид	Протоки		Острова	
	<i>N</i>	<i>SE</i>	<i>N</i>	<i>SE</i>
<i>Cygnus cygnus</i>	52	30	1576	788
<i>Anas platyrhynchos</i>	69	34	5200	2326
<i>Anas acuta</i>	5930	320	84209	5716
<i>Anas penelope</i>	1758	174	60525	5079
<i>Anas clypeata</i>	638	105	4160	2080
<i>Anas crecca</i>	1000	131	29714	3971
<i>Aythya fuligula</i>	2258	197	24030	3077
<i>Aythya marila</i>	207	60	5121	1420
<i>Clangula hyemalis</i>	–	–	9061	1889
<i>Melanitta nigra</i>	259	67	–	–
<i>Mergus albellus</i>	69	34	1576	788
<i>Mergus serrator</i>	17	17	788	557
<i>Mergus merganser</i>	448	88	–	–

Таблица 7. Оценка общей численности гусеобразных ($N \pm SE$) в дельте Оби в разные годы

Вид	2003		2013	
	<i>N</i>	<i>SE</i>	<i>N</i>	<i>SE</i>
<i>Cygnus cygnus</i>	1627	818	9274	4260
<i>Anas platyrhynchos</i>	5269	2360	–	–
<i>Anas acuta</i>	90139	6036	117664	15011
<i>Anas penelope</i>	62283	5253	105225	13758
<i>Anas clypeata</i>	4798	2185	53520	10283
<i>Anas crecca</i>	30714	4102	35761	8435
<i>Aythya fuligula</i>	26288	3274	25482	6947
<i>Aythya marila</i>	5328	1480	–	–
<i>Clangula hyemalis</i>	9061	1889	653	468
<i>Melanitta fusca</i>	–	–	58	34
<i>Melanitta nigra</i>	259	67	4530	2683
<i>Mergus albellus</i>	1645	822	27	27
<i>Mergus serrator</i>	805	574	7	5
<i>Mergus merganser</i>	448	88	321	86
Всего	238664	28949	352522	61997

выше по течению – на Среднюю Обь. В 2003 году уровень водности был средним, в 2013 – низкий, причём предшествующие 3 года (2010–2012) отличались экстремально низким уровнем водности. Уже в 2010 году численность уток в пойме Нижней Оби заметно сократилась (Пасхальный, Головатин 2010). В следующие годы снижение продолжилось. Но, как и следовало ожидать, при низком уровне водности водоплавающие концентрировались там, где воды сравнительно больше – в дельте. Поэтому в маловодный 2013 год общая численность гусеобразных здесь была несколько выше, чем в средний по водности 2003 год.

Обращает на себя внимание и изменение соотношения видов. По сравнению с 2003 годом, в 2013-м в дельте увеличилась численность свиязи *Anas penelope* и особенно сильно широконоска *Anas clypeata*, а также синьги *Melanitta nigra* и лебедя-кликуну *Cygnus cygnus*. По всей видимости, в низовья их привлекал неблагоприятный режим водности в верхнем течении. Напротив, численность кряквы *Anas platyrhynchos*, морской чернети *Aythya marila*, морянки *Clangula hyemalis*, лутка *Mergus albellus* и среднего крохала *Mergus serrator* сократилась, что, вероятно, связано с общим падением численности этих видов за неблагоприятный период предшествующих лет. У остальных видов гусеобразных (шилохвость *Anas acuta*, свистунок *Anas crecca*, хохлатая чернеть *Aythya fuligula*) значимых изменений численности не произошло. Это можно объяснить тем, что при общем сокращении численности этих уток в пойме Нижней Оби в её дельте эта тенденция была выражена не столь значительно.

Работа выполнена при поддержке Программ Президиума УрО РАН №12-П-4-1043 и №12-4-3-012-АРКТИКА

Л и т е р а т у р а

- Ганейзер Г.Е. 1975. *Реки нашей страны*. М.: 1-192.
- Головатин М.Г. 2013. Способ оценки плотности птиц при учётах на трансектах // *Рус. орнитол. журн.* **22** (852): 558-563.
- Кривенко В.Г. 1991. *Водоплавающие птицы и их охрана*. М.: 1-271.
- Молочаев А.В. 1990. Особенности динамики численности водоплавающих птиц в низовьях Оби // *Биологические основы учёта численности охотничьих животных*. М.: 138-152.
- Молочаев А.В., Каменев Л.К. 1998. Острова Обской губы Карского моря // *Водно-болотные угодья России*. М., **1**: 138-143.
- Пасхальный С.П., Головатин М.Г. 2010. Население птиц антропогенных местообитаний поймы Нижней Оби при разном уровне обводнённости // *Рус. орнитол. журн.* **19** (572): 895-906.
- Перерва В.И., Гусаков Е.С., Блохин Ю.Ю., Случевская Л.Л. 2001. *Отчёт о НИОКР на тему: «Мониторинг водоплавающих птиц Ямало-Ненецкого автономного округа»*. ЗАО «ОКАЭКОС». Данки: 1-54.
- Петров И.Б. 1979. *Обь-Иртышская пойма (типизация и качественная оценка земель)*. Новосибирск: 1-136.
- Рогачева Э.В., Сыроечковский Е.Е. 1968. О ресурсах водоплавающих птиц низовьев Оби (опыт учёта численности с помощью вертолётa) // *Ресурсы водоплавающей дичи в СССР, их воспроизводство и использование*. М., **2**: 43-46.
- Смирнов В.С. 1964. *Методы учёта численности млекопитающих. Предпосылки к их совершенствованию и оценке точности результатов учёта*. Свердловск: 1-88.
- Järvinen, O., Väisänen, R.A. 1983. Confidence limits for estimates of population density in line transects // *Ornis scand.* **14**: 129-134.

О гнездовании большого поморника *Stercorarius skua* на Вайгаче

В.Н.Калякин

Второе издание. Первая публикация в 1995*

Летом 1991 года на юге острова Вайгач (в окрестностях посёлка Варнек) отмечено гнездование большого поморника *Stercorarius skua*. Одно гнездо находилось на лайде небольшого озера примерно в 1.5 км к юго-востоку от посёлка в мохово-кустарничковой (*Salix* sp.) бугристой сильно увлажнённой тундре и не менее чем в 1 км от берега моря. Сроки откладки яиц и другие точные даты нам не известны. Ко времени приезда и работы в Варнеке (21-25 августа) единственный птенец хорошо летал, но вся семья в полном составе продолжала держаться на гнездовой территории, используя для отдыха те же торфяные бугры, что и взрослые птицы в предшествующий период. Взрослые поморники продолжали охранять свой гнездовой участок, проявляя агрессию и изгоняя с него короткохвостых *Stercorarius parasiticus* и средних *S. pomarinus* поморников, зимняков *Buteo lagopus*, собак. При появлении в пределах участка людей птицы беспокоились, кружили, но участок не покидали.

В течение двух дней (22-23 августа) участок был нами тщательно обследован (его площадь составляла около 0.5 км²), были осмотрены все потенциально пригодные и использовавшиеся в качестве присад возвышенные точки (в качестве таковых наиболее интенсивно использовались птицами вытянутая гряда плоских торфяных бугров, располагавшихся вдоль озера, почти лишённых растительного покрова и возвышавшихся на 0.7-1.0 м над окружающей тундрой). По осмотренным присадам были собраны 459 погадок (см. таблицу), найдены свежие остатки расклёванных синьги *Melanitta nigra* (взрослый самец) и гуменника *Anser fabalis*.

23 августа 1991 наблюдали совместную охоту выводка и ещё пары поморников (всего 5 птиц) на группу из 7 линных морянок *Clangula hyemalis*, державшихся на озере в пределах участка гнездившейся пары. Большие поморники, сев на воду и выстроившись полукольцом, стали отжимать группу морянок к концу озера и, когда до него оставалось несколько десятков метров, предприняли атаку, чуть подлётывая над водой либо практически не взлетая с её поверхности, но помогая себе крыльями. Эта охота продолжалась в течение нескольких минут и

* Калякин В.Н. 1995. О гнездовании большого поморника на Вайгаче // *Орнитология* 26: 72-75.

успеха не имела, так как морянки своевременно спасались, занырявая в воду, и в результате рассредоточились по всему озеру. После этого группа поморников распалась: выводок остался в пределах гнездового участка, а примыкавшая к ним пара птиц улетела.

Данные о составе пищи больших поморников *Stercorarius skua*, гнездившихся вблизи посёлка Варнек на острове Вайгач летом 1991 года (по результатам разбора 459 погадок)

Виды животных, остатки которых обнаружены в погадках	Число особей
Рыбы: бычок-рогатка	3
Яйца птиц	2
Чернозобик <i>Calidris alpina</i> (оперяющиеся птенцы)	4
Чечётка <i>Acanthis flammea</i> (поршки)	2
Пуночки <i>Plectrophenax nivalis</i> (поршки)	1
Мелкая птица	1
Сибирский лемминг <i>Lemmus sibiricus</i>	478
Копытный лемминг <i>Dicrostonyx torquatus</i>	66
Полёвка Миддендорфа <i>Microtus middendorffi</i>	2
Падаль	1
Всего	560

По сообщению местных жителей, напротив Варнека через залив (к западу от посёлка) гнездилась ещё одна пара больших поморников. Кстати, этот вид здесь ранее не был известен, а потому сразу же обратил на себя внимание; за несколько сезонов работ на Югорском полуострове, Вайгаче и юге Новой Земли (1983-1986, 1988, 1990 годы), мне ни разу не приходилось отмечать даже залётных птиц этого вида, равно как и слышать о подобных встречах от кого-либо; по-видимому, и в прошлом случаи залёта больших поморников на Новую Землю были крайне редки (Дементьев 1951), а на Вайгаче этот вид вообще никем, насколько мне известно, не регистрировался. Во время непродолжительной экскурсии (несколько часов) на другой берег залива 24 августа 1991 мы видели и этот выводок больших поморников, но из-за более пересечённого характера местности определить количество птенцов в выводке (1 или 2) не удалось. По крайней мере, одна молодая птица в этом выводке больших поморников хорошо летала. Данными по питанию этой семьи поморников мы не располагаем.

Таким образом, в 459 погадках больших поморников были выявлены остатки 560 позвоночных животных, из которых 546 (97.5%) составили мелкие грызуны, преимущественно сибирские лемминги *Lemmus sibiricus* (почти 85.4%); лемминги обоих видов: сибирский и копытный *Dicrostonyx torquatus*, – составили 97.0% от всей добычи.

Распределение добывавшихся большими поморниками зверьков по размерным группам (измеряли длину зубного ряда нижней челюсти в тех случаях, когда это было возможно; всего таких зверей оказалось:

сибирских леммингов – 389 особей, а копытных – 58) и по массе (корреляция между длиной зубного ряда и массой зверьков произведена по нашим материалам с Югорского полуострова и здесь не приводится) показало, что средняя масса леммингов обоих видов из добычи поморников оказалась примерно одинаковой и равна приблизительно 82 г. Общая масса добычи в разобранных погадках, рассчитанная по этим данным, составила примерно 50 кг. С учётом остатков двух крупных птиц (синьги и гуменника), а также других видов добычи, выявленных в разобранных нами погадках, общая масса добычи составила почти 55 кг. Ориентируясь на свой предшествующий опыт работы с различными плотоядными птицами аналогичных размеров (кречетом *Falco rusticolus*, сапсаном *Falco peregrinus*, зимняком, бургомистром *Larus hyperboreus*, белой совой *Nyctea scandiaca* и др.) в таких же либо сходных условиях, я полагаю, что на данном гнездовом участке было собрано порядка 60-80% того материала, который в действительности был добыт поморниками за гнездовой период к концу августа, т.е. общее количество добытых поморниками животных составило порядка 80-110 кг. Значительная доля погадок взрослых птиц содержала полупереваренные мягкие ткани жертв; подобное «нерентабельное» использование кормов при высокой численности леммингов – легко доступной для многих хищников добычи – характерно и для ряда других видов плотоядных птиц (см. подробнее: Калякин 1989). Есть данные (Cramp *et al.* 1983) о количестве потребляемой птенцами больших поморников пищи, которые не противоречат приведённой выше оценке.

Интересно, что в условиях Вайгача большие поморники существовали и успешно гнездились в основном за счёт леммингов, т.е. видов, с которыми они в пределах своего основного гнездового ареала никогда не сталкиваются. Несомненно, что это свидетельствует не только о высокой пластичности этого вида, о лёгкости освоения им неизвестного ему ранее кормового ресурса, к тому же в своеобразных природных условиях, отличающихся от основных мест его гнездовий на севере Атлантики (Исландия, множество мелких морских островов и северные побережья Шотландии, отдельные случаи гнездования известны на Шпицбергене и на побережье Норвегии; в 1989 году одно гнездо большого поморника найдено Ю.В.Красновым на Мурмане), но и о доступности леммингов, особенно сибирского, для добычи их различными, в том числе и малооспециализированными, пернатыми хищниками. Широта и вариабельность пищевых адаптаций большого поморника хорошо известны (Cramp *et al.* 1983), но столь полная ориентация гнездящихся птиц на мелких грызунов (в данном случае леммингов, в основном сибирских) ранее не отмечалась. Обычно основу питания большого поморника составляют рыбы, массовые виды птиц, например моёвок *Rissa tridactyla*, причём разные пары поморников и на разных

участках могут использовать в большей степени яйца, пуховичков, оперяющихся птенцов, взрослых птиц, либо сочетания их бывают различными (Cramp *et al.* 1983). По нашим наблюдениям на Шпицбергене в 1989 году (острова вдоль побережья Белльсунда и берега Норденшельда), немногочисленные, но гнездившиеся там большие поморники были преимущественно орнитофагами. Они охотились на море и островах и почти не использовали «материковые» (пусть и прибрежные) участки Западного Шпицбергена и потребляли широкий спектр кормов – от яиц гаг, белощёких казарок и чаек и их птенцов, слётков кайр, люриков и глупышей до взрослых гаг и белощёких казарок.

Сравнительные данные по питанию на юге Вайгача гнездившихся здесь в 1991 году зимняка и белой совы показывают несколько иной состав и размеры добычи.

Учитывая состав добывавшихся зимняками сибирских и копытных леммингов и общий состав их добычи (по результатам разбора 162 погадок), мы рассчитали общую массу добывавшихся зимняками животных. Мелкие млекопитающие по количеству особей составили 97.2% добычи (лемминги – почти 93.4%, а сибирский лемминг – более 64.7%), а по массе мелкие млекопитающие составили 89.75%, оба вида леммингов 87.9%, а сибирский – более 63.7%. Распределение добывавшихся леммингов обоих видов по размерным группам и по массе в добыче зимняков, по сравнению с таковым в добыче больших поморников, носило более нормальный характер. Доля мелких полёвок была выше почти на порядок, а птицы добывались чаще примерно в 2 раза.

Учитывая общий состав добычи белых сов, мы рассчитали общую долю и массу различных животных в их добыче. При этом грызуны (полёвки и лемминги) составили почти 66% от массы всей добычи, оба вида леммингов 64.7%, а сибирский – почти 43.4%; соответственно, по количеству добытых особей – 91.2, 81.2 и 50.6%. Распределение добывавшихся совами леммингов по размерным группам и массе, как и в добыче зимняков и в отличие от добычи больших поморников, носило нормальный характер. Доля мелких полёвок в добыче белых сов была выше почти в 20 раз, чем в добыче поморников, а птицы соответственно добывались чаще примерно в 8 раз.

Таким образом, сравнение состава добычи, используемой в питании в течение гнездового периода большими поморниками, зимняками и белыми совами, показывает, что хотя все три вида были ориентированы на добывание позвоночных животных, преимущественно леммингов, в наибольшей зависимости от последних, особенно от сибирского лемминга, находились большие поморники.

В условиях юга Вайгача практически трудно себе представить существование этого вида, а тем более его успешное размножение при отсутствии либо невысокой численности леммингов (в первую очередь

сибирского), поскольку базаров или иных мощных скоплений гнездящихся птиц в этом районе нет. Судя по составу питания бургомистра (Калякин 1989), здесь нет в настоящее время условий и для достаточно эффективной добычи рыбы.

Отметим также, что по сравнению с такими видами хищников, как зимняк и белая сова, также гнездившимися на юге Вайгача в 1991 году, большой поморник значительно менее специализирован на добычу обитающих здесь птиц и грызунов. В составе добычи зимняка и белой совы набор используемых ими видов заметно богаче (особенно у совы), значительно чаще добываются ими мелкие полёвки (полёвка Миддендорфа *Microtus middendorffi* и узкочерепная *Microtus gregalis*), да и размерный состав добываемых леммингов свидетельствует о том же: он имеет нормальный характер, тогда как большим поморником преимущественно добываются наиболее крупные (если не сказать старые) особи и зверьки младших возрастных групп, а в наименьшей степени – наиболее активная, деятельная, подвижная и размножающаяся часть популяций леммингов обоих видов, хотя в природе они явно преобладают по численности над зверьками более старших возрастов. В добыче же зимняков и белых сов, являющихся высоко специализированными миофагами, именно такие зверьки количественно преобладали.

В заключение отметим, что все наблюдавшиеся нами на Вайгаче большие поморники (не менее 6 взрослых и 2 молодых птиц) имели тёмную окраску.

Литература

- Дементьев Г.П. 1951. Отряд чайки Larі или Lariformes // *Птицы Советского Союза*. М., 3: 373-603.
- Калякин В.Н. 1989. Хищные птицы в экосистемах Крайнего Севера // *Птицы в сообществах тундровой зоны*. М.: 51-112.
- Cramp S. (ed.) 1983. *The birds of the Western Palearctic*. Oxford Univ. Press, 3.

